

Корнеев Богдан

Бремя Верных

Книга Первая

Корнеев Богдан

Бремя верных. Книга первая

«Издательские решения»

Богдан К.

Бремя верных. Книга первая / К. Богдан — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-605803-3

Войско продвигалось достаточно быстро. Скоро мирные деревушки с выбеленными хатами перестали попадаться вблизи дороги, на смену им пришли пепелища с чёрными стаями кружащихся над ними воронов. Дымы кое-где ещё поднимались к чистому весеннему небу, а запах гари стал неотступным спутником воинов, как и сладковатый привкус горелой человеческой плоти.

ISBN 978-5-00-605803-3

© Богдан К.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть 1. Тени Хазарии	11
Глава 1. Дружина	11
Глава 2. Деревня теней	18
Глава 3. Древняя Монара	24
Глава 4. Камо грядеши?20	31
Глава 5. Тайны волхвов	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Бремя верных Книга первая

Корнеев Богдан

© Корнеев Богдан, 2023

ISBN 978-5-0060-5803-3 (т. 1)

ISBN 978-5-0060-5804-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Михаил Николаевич Сарапулов умирал. В этом, с одной стороны, не было ничего удивительного – почтенному мужу было уже поболее ста лет... Было, что вспомнить в прожитом: годы войны, День славной Победы, возрождение любимой страны, семья, дети, внуки и правнуки... Вот, правда, супруга, любимая Антонина Сергеевна, покинула его рано, ну, да то уже прожитое, выплаканное и отмученное.

С другой – пожить бы ещё, тем более что причиной смерти стал не недуг, который нет возможности побороть, а случайный рикошет, когда Михаил Николаевич возвращался домой, проходя мимо местного дома культуры. Черт его знает, что там произошло, но тело среагировало быстрее, чем мозг. Как только прогремели первые выстрелы, Михаил Николаевич пригнулся за ближайшую припаркованную машину, но почувствовал, что спину всё-таки обожгло огненной болью.

Пуля попала всего одна, рикошетом да на излёте, но Сарапулов, не только прошедший все годы войны от Москвы до Будапешта, но и отдавший свою послевоенную жизнь работе в органах внутренних дел, прекрасно знал, что такие ранения чаще всего заканчиваются летально. Во-первых, пуля прошла не на вылет, а, во-вторых, он чувствовал, что теряет много крови.

Разум его был холоден. Для своих лет старик сохранил удивительную трезвость и ясность мысли. Он сумел доползти до квартиры, оставив дверь открытой, набрал на старенькой кнопкой «поkia» номер скорой и местного участкового, сбросил ботинки и грузно завалился прямо в одежде на кровать, старинную, с никелированными декоративными шишками на спинках, под набором пожелтевших фотографий в стародавних паспарту на ковре с изображением оленей.

Михаил Николаевич чувствовал, что разум потихоньку угасает, и почему-то его это нисколько не пугало. Он попытался прислушаться к своим ощущениям и, к своему удивлению, не обнаружил ничего, кроме какого-то странного спокойствия.

Смежив веки, старик в ожидании скорой предался воспоминаниям.

Родился Михаил Николаевич в далёком послереволюционном тысяча девятьсот двадцатом году, в семье, как это было принято тогда говорить, «военспеца». Отец, Николай Иванович, был потомственным военным, штабс-капитаном при штабе Алексея Алексеевича Брусилова, участвовал в знаменитом прорыве летом 1916-го, а в декабре получил ранение шрапнелью. Левое плечо почти разворотило, и удалой «штабс» надолго загремел в госпиталь. Там и узнал про отречение Государя в марте 1917. Впрочем, для Николая Ивановича это не стало откровением, он знал, что сам Брусилов давно ратовал «за отставку от трона слабака». Но всё равно потрясения были.

Здесь же, в госпитале, Николай Иванович познакомился с красавицей-медсестричкой, урождённой дворянкой, кстати, Сашенькой Борзовой. Роман завязался бурный, и когда в конце апреля штабс-капитана комиссовали в московский гарнизон, Александра Павловна, ничтоже сумняшеся, подхватила отчего-то оробевшего офицера под белые ручки и представила перед суровые очи своих папеньки с мамёнкой.

Штабс-капитан впечатление произвёл, и не только позвякиванием окопных медалей и белым лаком «георгия», но и манерами, поведением и тем, какими глазами он смотрел на «их Сашеньку». Добро было дано, повенчались споро и тут же отбыли к новому месту службы штабс-капитана Сарапулова.

Москва приняла молодых всполошённым шумом и суетой, очередями в лабазах за хлебом, толпами беспризорников на вокзалах и обилием военных самых разных мастей. Молодому офицеру начальство выделило квартиру в Столешниковом, службой нагрузили выше ватер-

линии, Николай Иванович не вылезал из казарм и патрулей. Время было смутное, порядка в стране не было, и Москва в этом мало отличалась от окраин Империи.

А потом наступила революция, и Сарапулов-старший, исключительно в заботе о семье, принял новую власть если и не с распростёртыми объятиями, то вполне себе благосклонно. Он быстро сошёлся с военной верхушкой новой московской клики, предложил свои услуги в качестве военного специалиста. Его уже знали по службе в гарнизоне, а среди большевиков было много недавних военных.

Он не был приспособленцем, но вот так, на первых месяцах семейной жизни оставить семью он считал по крайней мере неразумным. Но большевики не спешили отправлять ценного специалиста в горнило гражданской войны – пушечного мяса на фронтах хватало.

Постепенно пламя боёв стихало, наступил год двадцатый, потянулись из южных портов вереницы кораблей с последним оплотом Белой гвардии. Пал Краснов, сдался Врангель, был пленён Колчак, остальные генералы-адмиралы да атаманы рванули прочь из оказавшейся вдруг враз столь негостеприимной Родины. И тогда Сарапуловы решились на подвиг – так на свет появился первенец, Мишаня.

Будущее наследнику родители определили единогласно: пойдёт по стопам предков, станет военным. И хотя баловали частенько, но воспитывали в определённом ключе. Отец следил за его здоровьем, занимался воспитанием физических кондиций сына, а сердобольная мать заполняла вихрастую голову сонмом полезных и не очень (с прицелом на будущее) знаний.

В школе Мишенька был впереди всех что в спортивных баталиях, что в дискуссиях по поводу развития советской науки и техники. С годами стал интересоваться самолётами, пошёл в ОСОАВИАХИМ, даже в восьмом классе уже полетал на настоящем планере, в планерной школе, что на Ходынском поле. Отец занятия эти всячески поощрял, мама охала, но не смела возразить мужу.

По окончании школы Михаил Николаевич поступил в Казанское артиллерийское училище, где заместитель командующего был старый приятель отца. Будущее наконец-то полностью определилось. Впереди конкретно маячила вожаемая карьера военного.

Всё схлопнулось враз, накануне выпуска. Жарким июньским днём будущих лейтенантов выгнали на плац, и раструб громкоговорителя железным голосом Левитана возвестил, что «... немецко-фашистские полчища нарушили государственную границу Советского Союза». Началась та самая, Великая Отечественная...

Михаил Николаевич со стоном чуть повернулся на бок... Под спиной явственно хлюпало, было тепло и мокро... Плохо. Так и до скорой не протяну, подумал ветеран, но как-то безразлично подумал, без особого страха. И чтобы действительно не испугаться, опять провалился в воспоминания.

Сначала свежеепечённого лейтенанта Сарапулова бросили на оборону Киева, но там всё как-то достаточно быстро решилось не в пользу Красной Армии, и войска покатились к Москве. Занимая раз за разом оборонительные позиции, при полном отсутствии реальной разведывательной информации о противнике, войска тяжело и долго отступали. Солдаты месили пыльные дороги августа и сентября, чавкающую октябрьскую грязь, сбивали ноги о промёрзшие колдобины ноябрьских дорог. Михаил не мог знать знаменитую фразу «Позади Москва! Отступать некуда»¹ по вполне ясным причинам, но каждый из тех, с кем он делил окоп или батареиные укрепления, чувствовал это своей кожей...

¹ «Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва!» (также «Москва за нами!») – крылатая фраза, сформировавшаяся в 1941—1942 году в период обороны Москвы в Великой Отечественной войне. Приписывается политруку Красной армии Василию Клочкову, и считается произнесённой во время боя у разъезда Дубосеково.

Как они выстояли – Бог весть, но постепенно гитлеровская военная машина покатила назад. Непросто, нехотя, но всё-таки покатила.

Ему ещё повезло: он успел свидеться со своим батей, ушедшим на фронт добровольцем в первые дни войны, до того, как наступил тот самый, «последний и решительный бой». Они сидели в старенькой московской квартире с окнами, заклеенными газетами, и, пропустив по «окопной» соточке, вспоминали недавние бои. Неожиданно отец произнёс нечто вроде «Сынок, я же чуть не забыл, дубина стоеросовая», и скрылся в спальне. Мама недоумённо смотрела ему вслед, но Николай Иванович уже спешил обратно к столу, неся в руках полевой кисет. Развязав тесёмки, он достал оттуда медальон на тонкой простой железной цепочке, подошёл к сыну и неожиданно сурово произнёс:

– Наклони-ка голову, воин...

Михаил сразу узнал эту вещь, подставил свету хилой лампочки свой бритый затылок. Отец надел ему на шею амулет и произнёс:

– Ни о чём не спрашивай, твой он по праву, мне от деда достался, а тому – от прадеда нашего. Семейная вещица, глянь, хоть и не драгоценность. Хотя, кому как. Носи и не снимай, передашь старшему сыну.

– А если дочерьми разживусь? – в меру ехидно поинтересовался Михаил. Но отец был предельно краток:

– Тогда первому же внуку.

На том и расстались...

В апреле 42-го Михаил Николаевич узнал, что его отец погиб в боях за Минск... Написала мама, просто письмо шло долго. Не до почты было на фронтах тогда.

А потом под Сталинградом война совершила свой первый поворот. Стало понятно, что Гитлера бить можно, нужно и – самое главное! – появилось понимание, как именно это делать.

К битве под Прохоровкой уже капитан Сарапулов подошёл командиром батареи противотанковых пушек ЗИС-2. Неприхотливое орудие было ему досконально известно ещё после битвы под Москвой, а в новую модификацию Михаил Николаевич просто влюбился. И здесь, на Курской дуге, он встретил фашистские «тигры» со всем прилежанием. Именно здесь и произошла та самая, странная до изумления история.

Битва продолжалась уже вторые сутки, из десятка орудий более-менее пригодными для стрельбы оставалось два, но и поле напротив батарейных фашинов усеяло более трёх десятков танков. Правда, в том была заслуга не только артиллеристов капитана Сарапулова, но и танкового взвода, приданного в усиление, но кто ж в таком месиве делит на «своё» и «чужое». От «тридцатьчетвёрок» тоже остались рожки да ножки, и оставшиеся в живых танкисты заняли места либо в окопах боевого охранения, либо заменили выбитые номера в составе орудийных расчётов.

Сам капитан наравне со всеми подносил снаряды, при необходимости подменял наводчиков, старался поспеть везде. Единственное, что его беспокоило тогда, так это быстро пустеющие снарядные ящики. А подвод или грузовиков с пополнением боекомплекта из штаба пока не обещали: снаряды нужны были всем, и на всех-то их и не хватало!

И тут танки с крестами на башнях попёрли особенно густо! В горле першило от пороховых газов, глаза заливал пот, августовское солнце палило нещадно, гимнастёрка на спине вставала колом от соли...

Сарапулов понимал, что так долго продолжаться не может, стволы нужно пробанить, выйдут иначе из строя, перегревшись. Солдаты падали с ног, едва успевая подносить снаряды, но ещё больше все боялись, что скоро и подносить-то будет нечего...

Раскоряченные стальные черепахи медленно ползли по полю, справедливо опасаясь мин, и, кстати сказать, вполне себе обоснованно, о чём свидетельствовали несколько чадящих островов среди выгоревшей на солнце травы.

Редкая цепь автоматчиков, посверкивая вспышками выстрелов, прячась за броню танков, медленно надвигалась на позиции артиллеристов. В ответ им скупно огрызались «папаши»² из окопов охранения. Когда кто-то из особо резвых подходил на годное расстояние, из окопа взмётывалась фигура и размашисто бросала гранату. Это отбивало у фашистов охоту лезть на рожон на какое-то время, а когда загорелась ещё пара танков, остальные, пятась, поползли обратно.

Михаил Николаевич прислушался... Ему показалось на миг, что на лестнице раздались голоса. Скорая? Но нет, это молодёжь с пятого этажа стремительно слетела вниз по лестнице, о чём-то громко щебеча. Сарапулов обессиленно откинулся на подушку, скривившись от острой боли... Вот так и загнёшься в шаге от спасения...

Но тот бой встал им в слишком большую цену. Были выбиты оставшиеся два расчёта, почти не осталось никого в охранении. Да и со снарядами было совсем плохо: пара бронебойных да три подкалиберных.

Сарапулов шёл по полуобвалившейся траншее и скупно бросал по паре слов выжившим. Не раненых не осталось ни одного. Перемотанные наскоро бинтом головы, руки, ноги, окровавленные тряпки на земляном полу блиндажа. Медсестричку убило ещё в прошлом танковом накате, бойцы перевязывали себя и друг друга сами, как могли.

Повернув за угол траншеи, Михаил Николаевич вдруг услышал тихий окрик «Капитан...»

Он обернулся. Откинувшись навзничь возле бесполезного теперь разбитого осколком снаряда противотанкового ружья лежал пожилой старший сержант и смотрел на него неожиданно светлым и чистым взглядом. Взглядом человека, который испытывал не только адскую боль от ранения осколком в живот...

Капитан вернулся к бойцу, наклонился над ним:

– Иваненков? Так ведь, сержант?

– Так точно, гвардии сержант...

Солдат истово закашлялся, харкая кровью, по многодневной седой щетине прокатилась скупая слеза. Сарапулов присел перед ним на корточки.

– Что, пехота, зацепило?

– Да вот, как всегда, не вовремя... Ещё одну атаку мы тут, по ходу, не выдюжим...

– Верно говоришь, боец, – капитан стащил с головы фуражку, смахнул пот со лба. – Прижали нас, брат, так, что топать некуда...

Он сорвал с пояса флягу, рывком свернул крышку и поднёс к почерневшим от крови пересохшим губам Иваненкова.

– На-ка вот, глотни водицы... Тут по соседству родник, ребята подносят, когда время позволяет.

Сержант приоткрыл рот, вода полилась в пропечённую глотку, жёстко заходил вверх-вниз острый щетинистый кадык. Пил солдат, закрыв глаза, и видно было, что боль хоть и на миг, но отпускает, уступая место обманному блаженству.

Иваненков допил и обессиленно откинувшись на земляную стену окопа, глубоко выдохнул.

– Ты это, капитан, на пару слов... Громко вещать не могу, придвинься.

² «Папаши» – окопное название пистолетов-пулемётов ППШ (системы Шпагина).

Сам не ведая, почему, капитан присел поближе к раненому. А Иваненков, не открывая глаз, продолжал:

– Я давно иду за тобой, капитан...

Михаил Николаевич вздрогнул... Внимательно глянул на сержанта, но тот уже открыл глаза, и вновь были они светлы и ясны. По спине пробежала волна холодных мурашек.

– Ты славно бился под Москвой, меня не замечал, однако я всегда был одесную тебя... Всегда был готов прикрыть, прийти на помощь. Суть моя такая: быть твоей тенью, так Боги наказали.

«Что ты несёшь, паря?» – хотелось рявкнуть во весь свой командный голос капитану, но его словно заморозил речитатив этого человека, стоящего уже одной ногой по ту сторону буден.

– Мне пора пришла уходить в закат. А твоя очередь наступила Чертог нести. Расстегни свою гимнастёрку... Руки что-то немеют...

Словно замороженный, капитан одну за другой расстегнул пуговицы на груди. Раненый, словно клешней, ухватил его за руку:

– Дай мне Его...

Капитан, словно загипнотизированный взглядом умирающего сержанта, покорно снял с шеи подаренный отцом медальон и протянул раненому. Тот на мгновение сжал вещь так, что побелели пальцы, потом вернул капитану и тихо произнёс:

– Бери и береги, теперь это твоё Бремя. Носи, не снимая что и зачем поймёшь, когда срок придёт... И не поминай лихом...

– А когда оно придёт-то – время, и чему срок? – едва успел спросить капитан Сарапулов, но солдат смежил веки и умер...

Михаил Николаевич нащупал под рубашкой тот самый медальон – Чертог: Сварожий круг, похожий на колесо со спицами и завитками по краям. Усмехнулся. С самого раннего детства он твёрдо уяснил себе, что для него вера одна. О вере в Богов, летописях и о Ведах рассказывал прадед, а затем дед и отец. И теперь в его руках Чертог, который он так и не смог передать...

После войны Михаил Николаевич Сарапулов пошёл на работу в органы внутренних дел, погрузился в борьбу с обнаглевшим за военные годы преступным миром.

Так до самого выхода на пенсию он и проработал в уголовном розыске, а покинув ставший до боли родным прокуренный кабинет на Петровке, ещё долгие годы преподавал в Академии МВД, в Обнинске.

И вот – гримаса судьбы: поддыхает в одиночестве, заполучив пулю в спину.

Михаил Николаевич простонал: где же эта скорая?!

Он чувствовал, что слабеет. Сознание покидало одурманенный болью мозг, суля блаженство небытия. Михаил Николаевич вдруг вспомнил фразу своего деда: «Смерть это всего лишь остановка на твоём длинном пути. При жизни береги в себе человека, Мишаня. А при смерти помни о свободе своей души».

Сарапулов рывком разорвал пуговицы на сорочке, сунул руку за пазуху, нащупал Чертог, сжал с истовостью фанатика. Краем угасающего сознания успел услышать шаги и голоса на лестничной площадке. Подумалось: «Лучше поздно, чем никогда».

И Михаил Николаевич Сарапулов провалился в сияющий туннель, ведущий к ослепительному белому свету.

Часть 1. Тени Хазарии

Глава 1. Дружина

*Луки их натянуты,
Колчаны отворены,
Сабли их наточены,
Шеломы позолочены.
Сами скачут по полю волками
И, всегда готовые к борьбе,
Добывают острыми мечами
Князю – славы, почестей – себе*

«Слово о полку Игореве»

Белояр проснулся резко, толчком, сердце словно захолонуло, сжалось в болезненном спазме, но – ничего, постепенно отпустило. Некоторое время он ещё просто лежал, смежив веки и не смея открыть глаза, впустить в себя окружающую реальность. Сидела в голове какая-то заноза, опаска, что ли, не дающая принять действительность – вот так, сразу и всю.

Но прислушавшись, он разобрал утренний щебет птиц, отдалённые негромкие голоса, всхрапывание лошадей. И тотчас в ноздри ударил пряный воздух весеннего утра, и влажная прохлада пробралась под полотняную рубаху. Жизнь продолжалась!

Белояр не мог понять поначалу, отчего его, княжеского дружинника, так взволновали звуки и запахи самого обыденного утра? То ли сон приснился какой, то ли усталость от вчерашнего долгого перехода сказала, но ощущение было такое, словно он умер и снова воскрес. Нечто подобное приходилось испытывать ему, когда в прошлом году, в бою с обнаглевшими половцами, подступившими аж под стены Старой Ладogi, получил он удар копьём хазарского всадника в грудь, слава богам, защищённую кольчужной рубахой.

Но от раны той потерял Белояр сознание и некоторое время, как говорили потом сотоварищи, барахтался промеж жизнью и смертью. Вот и сейчас голову туманил какой-то непонятный морок, странные видения стояли перед глазами, и отчего-то в голове той замороченной металась странная мысль: «Живой! Живой! Живой!».

Белояр решительно открыл глаза и сразу же зажмурился от яркого утреннего солнца. Осторожно сел, ощупал руки-ноги... Целы. Да и с чего бы им пострадать, если вот уже который день дружина пылит по шляху на полудень³ в надежде встретить передовые хазарские дозоры. Но пока среди холмов и перелесков не учуять дыма костров, не видно следов копыт низкорослых степных лошадок.

Белояр сбросил с себя плащ, в который закутался накануне, поднялся, разминая затёкшие ноги. Зябко повёл плечами. Первая треть Элета⁴ была прохладной, и поутру на поляне, которую дружинники избрали для привала, трава покрылась сверкающей и ледяной росой.

³ **Полудень** – Юг, в старославянском были следующие стороны света: *Полудень* или *Юг*, *Полночь* (*Полночь*) – *Север*, *Закат* – *Запад*, *Восход*, *исход* – *Восток*.

⁴ **Элет** – первый весенний месяц, по тексту – примерно середина апреля. У славян было 9 месяцев/«сороковников», пять длились по 41 дню, и четыре – по 40 дней. В году – Лете – было, таким образом, 365 дней. Три времени года – осень, зима и весна. Год начинался со второго месяца осени, 22 сентября.

Встряхнув плащ, воин коротким взглядом окинул поляну. Почти все уже проснулись, приводили в порядок одежду, кто-то уже спешил к недалёкому роднику за водой для обозных лошадей, костровые занялись приготовлением завтрака, сотенные уже приглядывали за своими воинами, наблюдая, как те разбирают поклажу, перетряхивают походные тюки и готовятся выступить дальше.

Белояр, десятник второго десятка мечников, поспешно натянул пластинчатый пояс с ножнами, проверил, легко ли скользит оружие в деревянном узилище, сорвал пук травы и протёр сверкающее росой лезвие прежде, чем отправить его обратно в ножны. Рядом привычно кряхтел Тихомир из Славенки, небольшой деревушки подле Старой Ладogi. Был сей муж ростом громаден, и силой богатырской не обделён. Сын кузнеца, одно слово.

Тихомир с детства был приучен отцом к огневому делу, молот в его руках, наверное, выглядит детской погремушкой, коими бабы балуют своих чад, качая в колыбели у деревенского очага долгими зимними ночами. Но не сиделось удалыцу дома, возжелал славы воинской и, после обильных побоев, нанесённых разгневавшимся отцом, не видевшим в сыне никого, кроме как наследника своего дела, сбежал из дому и прибил к каравану купцов-варягов, с коими и добрался до стана воеводы Ярополка, по указанию князя Ладожского Радомира Мстиславовича, направлявшегося с частью княжеской дружины в земли хазарские для разведки и ещё каких-то, одному воеводе известных, дел.

Тихомир оказался не только отличным кузнецом, что само по себе для дружины было огромным подспорьем, но и жадным до новизны учеником, впитывавшим в себя воинские премудрости, как сухой песок воду. Сразу он попал в десяток Белояра и быстро стал здесь своим благодаря уживчивому характеру и широте души. Годков Тихомиру было от роду двадцать два, силы нерастраченной – до неба, вот и упражнялся новоиспечённый дружинник со своим самолично выкованным мечом всё свободное время, правда, под бдительным контролем со стороны десятника и остальных дружинников. И, определённо, достиг значительных успехов на поприще обучения... Вот и сейчас, лихо крутнув солнцем свой громадный меч, Тихомир нежно, с какой-то любовью легко задвинул его в ножны. Обернулся к десятнику:

– Здрав будь, дядя Белояр.

– И тебе – не хворать, – кивнул, усмехнувшись, десятник. «Дядя», – Белояр незаметно пригладил курчавую бородку, поправил локоны русых длинных, стянутых кожаным ремешком волос. «Мне и летов-то всего на седмицу больше, едва три десятка накатило, а поди ж ты... Дядя...». А вслух добавил:

– Сходи к Любодару, в третий десяток, дратвы спроси. Сапоги тебе чинить будем, уже каши просят.

Тихомир кивнул и бросился в глубь лагеря. Впрочем, лагерем это становище назвать можно было с большой натяжкой: почти три сотни воинов спали прямо на траве, завернувшись в походные плащи. Никаких тебе шатров, палаток... Одно слово: дружина на согляде, в дальнейшем поиске супостата.

Десятник одёрнул одежду, потоптался на одном месте, переступая с пятки на носок... Показалось, что жмёт левый сапог, но, прислушавшись к ощущениям, понял, что, скорее всего, стопа просто со сна припухла, вроде как, разошлось всё. Белояр направился к дальнему концу поляны, где строился уже личный десяток воеводы.

Ярополк, статный мужчина на шестом десятке, с основательно поседевшей окладистой бородой, косой саженью в плечах и с внимательным взглядом ничего не упускающих глаз, встретил десятника приветственным взмахом руки, одновременно придирчиво оглядывая шеренгу своих личных охранителей.

В его десяток отбирали воинов с опытом, притом не слишком зрелых возрастом, со сноровкой диких камышовых котов. Поджарые, с мягкой походкой и словно перетекающими движениями, витязи воеводиного десятка слыли грозными бойцами, равным которым едва ли

нашлись с полсотни воинов во всей княжьей дружине. Отбирал их сам Ярополк с бору по сосенке, как говорится, тренировал Переслав-лучник, самый опытный вояка среди присутствующих, да и в схватках с хазарами да половцами они не раз отличались, так что опыта ратного этим парням было не занимать. При виде Белояра многие из них приветливо улыбнулись: приходилось до сел уже не раз плечом к плечу стоять в сечах.

Ярополк повернулся к подошедшему десятнику:

– Горазд ты, Белояр, как всегда поперёд остальных являться. Не спится чего? Сегодня только в полудень выступать будем, в обозе нужно пару подвод править после вчерашнего перехода, дёгтем оси смазать да оглоблю новую выстрогать.

– Знаю, но у меня до тебя дело, старший...

Ярополк прищурился:

– Ну, говори, коли так... Что за дело такое?

Белояр на мгновение задумался, потом тихо произнёс:

– Не пойму я, воевода, что такое со мной приключилось... То ли с устатку, то ли съел чего... Ночь в смятении провёл, мысли какие-то странные, всё о смерти больше... Не бывало со мной такого допреж... Может, к знахарю дойти, пусть попользует?

Воевода внимательно пригляделся к десятнику, тронул нижнее веко на левом глазу, приподняв за подбородок, внимательно рассмотрел побледневшие со сна щёки.

– Может, и к знахарю, но, по мне, так лучше к волхву. Завтра он прибудет ко дружине нашей, послали уже за ним гридь⁵, в земли смутные вступаем, там уж без его силушки никак.

Белояр кивнул, вздохнув. Ещё дома, услышав, что предстоит сей поход, он задумался об истинной его цели. Просто разведать, где и как располагаются вои⁶ хазарские? Чушь! Лазутчики справлялись с этим прекрасно, в любой момент зная, где находятся передовые хазарские полки. Для этого не нужно было гонять княжеских дружинников, да ещё и не из последних храбростью и умением. Что-то другое виделось за всей этой мишурой Белояру, но вот поговорить с вечно занятым воеводой ему пока не представилось случая.

Вернувшись к костру своего десятка, он отметил, что ватага уже приготовила кашу и ждёт только его возвращения. От котла шёл одуряющий запах, в глазах аж притоптывающего от нетерпения Тихомира проскакивали голодные блёстки. Даже Волчок, вертлявый малый, острый на язык и ехидный, как сотня скоморохов, поглядывал на котёл с вожделением. Не испытывая своих ватажных, десятник достал из-за голенища сапога замотанную в белоснежную некогда тряпицу деревянную ложку, присел к костру и погрузил её в ароматное варево. Зачерпнув полной мерой, отправил порцию в рот и закашлялся, ожёгшись... Волчок радостно хлопнул его по широкой спине, остальные тоже потянулись к котлу. Утренняя трапеза началась.

На какое-то время тревога отступила, обыденность утра остудила воспалённый бессонницей мозг, на душе полегчало. Да и Ярило наконец-то выглянуло из-за горизонта, заиграло на росных травах, скользнуло своими трепетными весенними лучами по кронам деревьев на краю поляны. Высокие облака, похожие на перья птицы-лебедя, окрасились сначала багрянцем, а потом и плавно затекли утренним Яриловым золотом. Поднимался новый день, и он обещал быть неплохим, как и день вчерашний. Что уже само по себе радовало, ибо воин-дружинник не загадывал свою судьбу более, чем на день-другой. Слишком жизнь его в походе бывала непредсказуемой даже волхвами.

Выступили ближе к полудню, когда просохла от росы трава, да и одежда уже не холодила тела. Первыми выступили два десятка разведчиков, они должны были идти впереди на рассто-

⁵ **Гридь** – личный телохранитель, доверенный князя. Обычно пребывал в «младшей» дружине. В неё же входили *детские*, отроки, пасынки, дети боярские, мечники.

⁶ Здесь в значении «воины».

янии в пол версты и, если придётся, принять на себя первый удар. Следом пылили главные сотни, а замыкал строй отряд из пятидесяти воинов, в задачу которого входило не только прикрывать тыл, но и охранять обоз из тридцати трёх подвод, на которых везли не только запас провианта, но и доспехи дружинников, кои те нацепляли только в преддверии боя.

Белояр шёл в одной колонне с десятком Ярополка. Краем глаза наблюдал, как воевода, будучи чем-то явно озадачен, нервно покусывает седой ус и иногда искоса поглядывает в его сторону. Наконец настал миг, когда Ярополк коротко мазнул ему рукой. Белояр тут же подбежал к воеводе:

– Звал, старейший?

– Есть такое дело...

Воевода словно бы не знал, с чего начать разговор, потом тяжело вздохнул и рубанул с плеча:

– Был у знахаря, паря?

– Да недосуг пока, воевода... К походу готовил десяток.

– А с головешкой что? Полегчало али нет?

Белояр пожал плечами.

– Да и не скажешь сразу... Навроде, как и полегчало. Мысли чёрные пропали. Видать, просто ночной морок был.

– Так с чего шум поднял? Стоило ли оно того?

Десятник помолчал, собираясь с мыслями, потом, тщательно подбирая слова, начал:

– Так, старейший, ты ещё в Старой Ладоге, перед выходом нас поучал, что со всеми страхами или там мыслями дурными, которые могут нас в этом походе вдруг дюже одолеть, сразу к тебе обращаться... Вот я и...

– Было такое, – перебил его Ярополк. – Было... И славно, что помнишь командирский наказ. Нынче не от каждого такого рвения увидишь. И уже с десятков воинов ко мне со своими, прежде им неведомыми, страхами подходили. Как мыслишь, отчего напасть такая?

Десятник про себя выругался, а вслух произнёс только:

– Полагаю, причина есть, коли тебя это не приводит в изумление. Когда было такое, чтобы вои перед битвой в своих страхах исповедовались?

– Вот и я о том же, – наставительно поднял палец воевода. – А значит прав был волхв Милован, в хазарском стане сильный колдун пребывает, если аж до самой Ладоги его сила простирается. И смятение в душах ваших – лишь отклик её. Ох, Милован, Милован... Отчего ж ты сразу не сказывал мне всего?

Ярополк сокрушённо покачал головой, Белояр молчал, потрясённый его откровением. Он давно слышал от искушённых людей, что неспроста орда хазарская победы одерживает над своими врагами. Одной лишь доблестью степняков этого было никак не объяснить, крылся за этим какой-то тёмный подвох, и – вот, на тебе! Колдун собственной персоной.

Войско продвигалось достаточно быстро. Скоро мирные деревушки с выбеленными хатами перестали попадаться вблизи дороги, на смену им пришли пепелища с чёрными стаями кружащихся над ними воронов. Дымы кое-где ещё поднимались к чистому весеннему небу, а запах гари стал неотступным спутником воинов, как и сладковатый привкус горелой человеческой плоти.

Хазары рядом! В этом уже никто не сомневался. Сотники приказали достать из обозных телег доспехи и облачаться. Войско надевало подкольчужный подбой, кольчужные рубахи, пластинчатый доспех поверх них, кое-кто надел и шеломы, хотя на таком уже не по-весеннему жарком солнце идти в полном облачении было настоящим испытанием. Но нападения можно было ждать когда угодно и откуда угодно, и никто не роптал.

Сотники выслали охранение теперь уже и по флангам колонны. Хазары были известны своими атаками со спины, быстрыми обходными манёврами. Русы, при отсутствии конницы в составе войска, были готовы в каждый момент занять круговую оборону и встретить лохматых всадников с неизменными луками на щиты с любой стороны.

Лучники были и в составе дружины, да такие, что пробивали полный доспех на двухстах шагах! Тяжёлые луки превосходили по дальности таковые же хазарские как минимум на полсотни-сотню шагов, и степняки об том прекрасно знали, делая упор на внезапность, когда всадники вдруг оказывались прямо перед ничем не подозревающим врагом и, осыпав его градом стрел, брали неприятеля «на саблю», врезаясь в ряды не успевшего выстроиться к бою супротивника подобно тому, как степной волк вгрызается в холку барана.

Единственной защитой от такого приёма оставалась только тщательная и постоянная разведка месторасположения хазар. В честном бою – меч в меч – русичам не было равных, и победить даже столь малое войско Ярополка эти степные всадники могли бы только имея численный перевес как минимум пять к одному. Но такого шанса воевода не собирался им давать.

К вечеру дружина подошла к берегу небольшой речки Ветрянки, одному из малых притоков далёкого Днепра, несущего свои воды где-то за сотню дневных переходов на Вертовик⁷. Ветрянка с виду была речкой доброй, безо всякой подлости в виде омутов и неожиданных перекатов. Правый её берег, на который вышло войско, был низменным, с длинной песчаной косой, противоположный, левый, возвышался относительно невысоким обрывом, поросшим не слишком густым березняком. Ярополк приказал становиться лагерем на небольшой поляне в виду берега, а разведчиков послал к реке, дабы выявить возможные броды, да не один, а, на всякий случай, ещё пару вверх и вниз по течению.

Белояр выделил в разведку от своего десятка Волчка, так как паря славился острым взглядом, известной ловкостью и умением передвигаться скрытно.

Тихомир, успевший споро нарубить в ближайшем перелеске сушняка, уже разводил огонь в наспех сложенном из прибрежного песчаника очаге, воду в котле уже приволокли Вольга и Добран, остальные развязывали походные котомки, выкладывая на чистую холстину всё, что могло пойти на приготовления ужина. Ещё на переходе Волчок заявил, что вечерний суп будет такой, «...что пальчики не просто оближите, а проглотите на закуску», и теперь дружинники потирали ладони в предвкушении знатной трапезы, ибо Волчок славился своими поварскими умениями.

И правда, тот, едва вернувшись с вылазки к реке и доложившись десятнику о двух вполне пригодных для переправы через реку местах, сразу же приступил к котлу, а Белояр отправился докладывать Ярополку результаты разведки.

У костра воеводы уже собрались сотники и десятники, горячо обсуждая, как утром переходить речку. После бурного спора порешили-таки идти двумя отрядами по левому и по правому броду одновременно. Но сначала, ещё до восхода Ярила, переправить на левый берег по две сотни на каждый брод с тем, чтобы те захватили часть берега на несколько десятков шагов вглубь и закрепились там, создав секреты с мечниками и лучниками, дабы избежать внезапного нападения врагов.

Для этого Ярополк выделил десяток Белояра в том числе, приказав его воинам ужинать наскоро и ложиться спать, дабы отдых был полноценным, ибо силы его людям понадобятся поутру великие.

Вернувшись к костру, десятник застал своих друзей-соратников за яростным спором. Зацепились языками обычно хмурый и немногословный Вольга и вечно неугомонный спорщик Волчок. Суть разногласий была, как сразу уловил Белояр, в том, почто князь погнал столь

⁷ Вертовик (старослав.) – Юго-Запад.

невеликое войско в самое сердце Хазарии, обрекая тем самым на гибель своих лучших воинов. Под которыми Волчок, само собой, подразумевал и себя. Вольга же, со свойственной ему степенностью и обстоятельностью пояснял, что большому войску не с руки бегать по полям да лесам в поисках степняков, и вообще странно, что такая орда, двигаясь смертоносной волной по землям русов и не встречая сколько-нибудь серьёзного сопротивления, вдруг остановилась в этом пределе и не сдвинулась уже вот год как вперёд ни на один пеший переход. Непонятно это, а всё непонятное – опасно...

Белояр слушал спорщиков вполуха, а сам между тем мотал на ус... После того, что он услышал от самого Ярополка, предмет спора становился для него слишком важным, чтобы пропустить хоть слово из того, что произнесено было подле костра.

А тем временем дружинники отобедали, котлы были перемыты в реке, выставлены караулы, и воины принялись готовиться к ночлегу.

Белояр по установившейся привычке проверил оружие у своего десятка, слегка пожурил Добрана за неначищенный меч (хотя, по чести, в порядке у того всё было, но старшему виднее, не стоит давать воинам слабины в походе), отправил Тихомира в охранение вместе с витязями из других десятков. Разложил плащ и уже собирался завернуться в него, как кто-то слегка потрепал его по правому плечу. Десятник вскинулся – рядом стоял Колун, вестовой от самого воеводы.

– Десятник, Ярополк просит немедленно проследовать к его костру. Вести есть...

– Добрые хоть вести? – проворчал, поднимаясь, Белояр. Колун развёл руками.

– А мне не докладывали, паря, – вестовой вздохнул. – Но навряд ли добрые, те и до утра подождали бы.

Колун двинулся в сторону костра Ярополка, Белояр последовал за ним. В сутулой спине шествовавшего впереди Колуна угадывалась недюжинная сила, хотя бывший ратник уже несколько лет как ходил в вестовых. В сече с хазарами пять лет назад получил он множество тягостных ран, прикрывая самого князя, и тот, в память о подвиге воина, назначил его вестовым при Ярополке. Старому ратнику некуда было идти: избу его пожгли хазаре, семью тогда же частью истребили, частью погнали в полон. И была в том ратнике такая лютая ненависть к захватчикам, что останься он наедине с собой, без любимого дела, просто лишил бы себя жизни, хоть такое и против законов Сварога⁸. Князь прочувствовал это и оставил ратника при деле княжеском.

Ярополк сидел у огня, глядя, как жёлтые языки его пожирают берёзовые поленья. При виде Белояра встряхнулся, жестом указал десятнику на место супротив себя, одновременно отпуская Колуна. Протянул Белояру чашу с отваром мяты и иных трав с явным ароматом свежего мёда.

«Потап!» – вспомнилось Белояру. Правая рука воеводы, сотник Потап был знатным бортником, всегда мечтал иметь свою пасеку, но служба дружинная не оставляла для этого времени. И тогда сотник стал удовлетворять свою страсть, выискивая медовые места вблизи стоянок отряда. И почти всегда стол воеводы-бортника ломился от дикого мёда...

Десятник отпил степенно, горячее питьё приятной волной скользнуло в груди, желудок отозвался восторженным спазмом. На походе такое питьё было уже лакомством, достойным самого князя.

– Слушаю тебя, воевода, – выдержав соответствующую его понятиям о приличиях паузу, сказал Белояр. Ярополк отставил в сторону чашу, вытер губы обрезком ткани, некоторое время молчал. Потом произнёс:

– Только что наши лазутчики встретили человека, он направлялся в наш лагерь.

⁸ **Сварог** – славянский Бог Огня, Отец Богов. В славянском пантеоне считается верховным управителем, ставшим таковым после ухода Рода-Творца на покой.

– Хазарин?

– Нет, русич, из земель, что под хазарами. Он принёс дурную весть: в их местах стали пропадать люди.

Белояр насторожился:

– То есть как – пропадать? Их угоняли в полон? Резали и закапывали за околицей деревень?

Ярополк тяжело покачал головой.

– Нет, Белояр, в том-то и дело, что не всё так просто... Он говорит, что мужики и бабы, да и дитятки малые исчезали без следа. Пойдёт, скажем, жинка по ягоды, да и сгинет. Находили туесок, даже следы на траве примятой. И – всё... Уже более пяти десятков людей пропало. И это при том, что отрядов хазарских в округе не наблюдали.

– Морок Велеса⁹ какой-то, – пробормотал потрясённый десятник. Воевода кивнул.

– Не иначе как. Но нам надобно разобраться, что там да как. Мы останемся здесь на днёвку, а ты со своим десятком заутро выдвигайся к той деревне, человек проводит. Посмотри на месте, что там да как. Вернёшься – доложишь. Видится мне, дело, по которому послали нашу дружину, связано как-то с тем, что творится в деревне. И, главное, будьте настороже. Мы вступаем в Сумеречные Земли¹⁰. Здесь нет друзей, а враги повсюду. Ступай, отдохни. Вставать рано.

Белояр вздохнул и поднялся.

– Не хочу пугаться попреж дела... Утро вечера мудрёнее.

⁹ Велес – у древних славян *чёрный* бог, владыка мёртвых, покровитель торговли, мудрости и магии.

¹⁰ Так русичи называли земли под властью Хазарского Каганата.

Глава 2. Деревня теней

*Зло тихо лежать не может
Славянская поговорка*

Белояр во все глаза смотрел на деревню, что уютно расположилась в распадке, подле леса, у самого края большого тёмного озера. Домов там было с полсотни или даже больше, отсюда, с холма на расстоянии в полверсты было и не разглядеть: часть деревни терялась за выступом леса, который подходил к самой деревенской околице. Что само по себе было странно, люди всегда старались оставлять между жильём и лесом или болотом пустое пространство – поляну там или луг, чтобы нечисть или враг какой не смогли незаметно прокрасться к обители человеческой.

Рядом шумно почесался Волчок. Он накануне вляпался в лесу в куст чертополоха, когда пытался самостоятельно выискать медовую борть или дупло. Исцарапавшись донельзя, теперь парень только тихонько ругался сквозь зубы, но терпел и чесал порезы, нанесённые колючками, похожими на маленькие острые иглы. Но молчал.

– Что мыслишь? – задал наконец ему вопрос Белояр, оторвавшись от созерцания потемневших от времени рубленых изб. Волчок крикнул, одёрнул рубаху, покачал головой.

– Не видать отсюда ничего. В деревню идти нужно. Иначе никак.

Белояр и сам это понял, и повернулся в лежащему слева тому самому проводнику, Ерёме.

– А ты что скажешь, селянин? Отчего так тихо в домах? Ни скотина не мычит, ни петух не кликнется? Да и земляков твоих что-то я не различаю между тынов.

Ерёма, кряжистый мужик, по всему – крестьянин, повернул к Белояру усталое недовольное лицо.

– Нечего мне рассказывать. Когда уходил – на месте все были. Мужики при деле, бабы тоже. Кто пропал – тот пропал, закон Леса. Походили, искали, плакали, меня вот к воеводе вашему отрядили. А что произошло за эту ночь – ведать не ведаю!

Белояр кивнул, настроение окончательно испортилось. Он хмуро бросил Волчку:

– Облачайся в доспех, парень, чую я, не след к домам идти голышом. Не доброе это место.

Волчок, как ни странно, возражать не стал, отполз подальше, вскочил и бросился к поляне, где оставался остальной десяток. Белояр наклонился к Ерёме:

– Останешься здесь, присматривай за деревней. Не нравится мне эта тишина. Я пока за своими.

Он тоже ползком достиг леса и поднялся на ноги лишь оказавшись за первым подлеском. Лёгким бегом устремился к лагерю.

Воины уже вовсю готовились к выходу. Все почти облачились в доспехи, за утро Тихомир поправил мечи, кому надо, ремни на доспехах были подогнаны, Вольга лично проверил это, кивнув удовлетворённо. Белояр подошёл к Радосвету, который в десятке традиционно отвечал за обувь, кивнул в сторону Тихомира:

– Справил ему обувь-то?

Радосвет только усмехнулся.

– Справил, как ни справиться... Одному дивлюсь я, Белояр – он такой здоровый, дуб колесом согнёт, а

стесняется о простом спросить, как девица красная!

Белояр тихо, чтобы не услышал Тихомир, рассмеялся.

– Есть за ним такое... Но зато каков кузнец! Вся дружина вкупе с отроками нам уже обзавидовалась, а он никому не отказывает, только успевает молотом на привале махать!

– Да уж, – хмыкнул Радосвет, – силушкой его Сварог не обделил. Намедни в деревушке – помнишь, проходили уже ближе к ночи? – он помог крестьянину телегу из грязи вытащить? И того не понимаю, где тот-грязь-то нашёл, уже тридевять дней дождя не было? Так наш малыш просто ухватил телегу за передок, да и выволок из колеи! А до него такое не под силу оказалось четырём битюгам! Воистину, богатыря у нас в десятке растим, вот поверь мне на слово! Ещё увидишь, как мои слова оправдаются.

– Только рад буду, – отмахнулся Белояр. – Выступать пора, становись в строй.

В деревню вступили с Полуночника¹¹, шли плотной командой, чтобы в случае нападения мгновенно сбить «ежа» – прикрыться со всех сторон и сверху щитами, выставив наружу длинные копья. Но пока не было слышно ни звука. Солнце уже неуклонно поднималось к полудню, в близком лесу щебетали птицы, где-то справа заводил свою дробь дятел. А из деревни так и не было слышно ни звука, присущего человеческому жилью.

Доносились запахи хлеба, молока, куриного помёта... Но ни квохтанья куриц, ни мычания коров, ни детских выкриков по-прежнему не доносилось из словно бы притаившихся дворов. Белояр знаком подозвал Ерёму:

– Подскажи-ка нам, друг ситный, куда твои селяне подевались?

Ерёма аж съёжился под пристальным взглядом десятника, глазки его забегали, он взирал на запустелые дома с каким-то животным ужасом, плечи его тряслись, как в лихоманке, по лбу из-под лихо заломленной на бок шапки катились крупные градины пота.

– Клянусь Велесом¹², десятник, сам не понимаю, что тут случилось после моего ухода! Бабы с детишками пропадали – да, то было, но, когда меня всей деревней к вам за подмогой отправляли, наши все тутова были!

Белояр поднял руку, призывая к вниманию. Воины тут же собрались подле него.

– Значицца так, братцы... Идём плотно, плечо к плечу. Озираем все стороны. Кто что подметит – тут же знак остальным. На вдруг появившихся ворогов сорви голову не бросаемся, всё делаем вместе. А теперича, други, пошли понемногу... С нами Сварог...

И двинулся вдоль улицы, держа меч наизготовку. Остальные пристроились правее и левее его, щитами прикрывая невеликую колонну. Двигались след в след, не спуская глаз с развернутых окон, чёрными пятнами зиявших с фасадов. Гнетущая тишина, изредка нарушаемая шелестом ветра в кронах деревьев, словно бы опустилась пологом на деревню, отрезая её от остального, рвущегося навстречу весне мира.

– Впереди, – скорее выдохнул, чем произнёс Волчок. Белояр пригляделся и рассмотрел прямо посередине дороги какое-то чёрное пятно. Подняв руки, призывая всех остановиться, он кивнул Тихомиру, и тот приблизился.

– За мной иди, остальным – тут ждать, – Белояр поправил шелом и осторожно, почти на цыпочках направился к этой новой загадке. Тихомир прикрывал спину, постоянно оглядывая соседние подворья. Но деревня по-прежнему была тиха и безмолвна.

Странное пятно было размером с конскую голову, почти правильной круглой формы, на вид походило на кострище, да и запахи от него шли весьма схожие: пахло палёным деревом, сожжённой травой и ещё чем-то приторно-сладким, знакомым, но отдалённо... Белояр повернулся к кузнецу:

– Что скажешь, Тихомир?

Тот сдвинул шелом на затылок, потёр потный лоб латной рукавицей...

– Непонятно, батя... Пахнет горелым мясом, по-моему, человеческим...

¹¹ Северо-Запад.

¹² **Велес** – у древних славян чёрный бог, владыка мёртвых, но в то же время покровитель торговли, мудрости и магии.

Теперь вспомнил и Белояр! Да, так пахли те деревни, сожжённые врагом вместе с жителями, которых запирали в амбаре или доме старейшины, а двери заколачивали, после чего поджигали... Долго ещё над пепелищами теми стоял приторно-сладкий дух, очень похожий на тот, что исходил от этого пятна.

Тихомир наклонился и пальцем поворошил пепел...

– Это был человек, – хрипло произнёс он. И поднял металлический кружок – изображение Ярила, медальон, когда-то висевший на ремешке или верёвочке, которая сгорела вместе с хозяином амулета. Белояр поперхнулся, закашлялся... потом махнул рукой остальным, те поспешно подошли.

– Это всё, что осталось от одного из поселенцев, – он протянул на всеобщее обозрение амулет. – Я не знаю, что здесь произошло, но так сжечь человека можно только с помощью сильного, я сказал бы даже – очень сильного колдовства! Сейчас всем разойтись по деревне, ищем всё, что осталось от её жителей: амулеты, обереги, украшения... Нам нужно понять, все ли здесь погибли, или кого-то утащили в полон? А ещё ищите следы. Любые следы чужих людей. Не оставить следов невозможно, вы все это знаете. Дело идёт к полудню, дни ещё пока коротки... Пospешаем.

В течение часа дружинники нашли ещё несколько пепелищ, причём, в одном месте, судя по всему, сожжена была целая семья. Но что самое интересное, так это то, что на всю деревню нашлись едва ли пяток следов посторонних людей. То, что это именно чужаки, однозначно заявил Волчок, который читал следы столь же хорошо, сколь предсказывал погоду.

– Белояр, поверь, это точно были пришлые! Смотри: обувь справная, но не изношенная почти, подошва мягкая, такие чевяки шьют у печенегов и хазар, их надевают мокрыми на ногу и так оставляют сушить. Тогда обувь становится точно по размеру ноги, в таких чевяках можно по горам, и по лесам бесшумно скользить. Поверь мне, пластуны¹³ это вражи, чем хошь клянись!

Белояр верил ему. Волчок не ошибался: русичи носили сапоги или калиги¹⁴, и те оставляли совсем другие следы.

– А ещё, – продолжил Волчок, сбавив голос, – я нашёл пару совсем других отпечатков... Словно бы и калиги, но какие-то странные, более узкие, носы длинные, загнутые вверх. И, судя по глубине следов, носили обувь подростки или...

Белояр внимательно посмотрел на разведчика, тот словно бы смутился.

– Говори, чего уж недоговаривать? Мало мы тут чудного насмотрелись?

– Или – женщины, – сказал, словно выдохнул дружинник и потупился. Десятник понял, отчего смутился Волчок: представить, что в хазарской орде могут оказаться женщины, было немыслимо. Кочевники презирали даже собственных жён, а уж представить, что кто-то посылал в чужую деревню таинственных воительниц было и вовсе невозможно! Но как тогда иначе можно было объяснить столь странные отпечатки на огороде у крайней избы?

Отправившись с Волчком, Белояр сам осмотрел пару десятков следов, которые вели от околицы леса к тыну и обратно. Словно бы кто-то вышел из чащи, приблизился к самой границе деревни, постоял малость, посмотрел на несколько изб, притулившись подле самого леса, да и пошёл прочь своей дорогой. При этом неизвестный гость даже не подумал замести за собой следы своего пребывания. Это могло говорить только о том, что незваные посетители

¹³ **Пластуны** – разведчики. Отсюда значение слова ползать *по-пластунски*.

¹⁴ **Калиги, кáлигвы** (лат. *cáligae* – «сапоги») у римлян – солдатская обувь, полусапоги, покрывавшие голени до половины. Она состояла из кожаных чулок и сандалий с ремнями. Толстая подошва сандалий была покрыта шипами. Переплёты ремней часто доходили до колен. Калиги были хорошо приспособлены для длительных переходов. У рядовых солдат это были простые полусапоги, покрывавшие голени до половины; у высших чинов они украшались серебряными или золотыми гвоздями. Были известны и в древней Руси.

не боялись, что жители деревни кому-то расскажут об их визите. И, следовательно, были уверены, что в поселении никого в живых не останется.

Чужие по окрестностям деревень не ходят, подумалось вдруг Белояру. Издревле Лес был чуждым для человека, хотя и кормил его исправно. Не зря сказывают бабки вечерами отрокам про лешего, кикимор болотных, бабу-Ягу, о прочей лесной нечисти. Одно дело в лес идти воинам, каждый из которых храним родовым оберегом, но совсем другое бродить там девицам и мальчикам, у которых на губах молоко не обсохло. Нет у них ещё той силушки, разума того, чтобы понять, что в лесу есть польза, а что – смерть.

У околицы этой деревни могли явиться только вороги, хазары там или ещё кто, толпа лихих людей, к примеру. Или, действительно, нечисть какая. Но ведь кто-то же испепелил жителей огнём смертным? А с тем, кто обладает такой силы колдовством, лучше дела не иметь.

Белояр сдвинул шелом на затылок, вытер латной рукавицей пот и поправил головной убор. Ярило пекло уже вовсю. И это Весна, подумалось ему. Он ещё раз внимательно огляделся, цепкий взгляд бойца скользил по домам, траве, кустарнику на лесной опушке. Что-то запнуло мозг, привлекло внимание, но что именно, он сразу вот так сообразить не мог. И потому замер в неподвижности, лишь глаза внимательно ощупывали окрестности.

Рядом так же замер Волчок, тот вообще славился своей «чуйкой». Ноздри его длинного носа пришли в движение, глаза словно бы остекленели: разведчик прислушивался к чуждым звукам и запахам. Десятник одними лишь глазами спросил: «Что там?». И получил ответ, столь же безмолвный: «Враг!». Белояр перехватил поудобнее клинок и облизал сразу же пересохшие губы. Где-то в глубине сознания возникло и стало разрастаться странное ощущение, всегда испытываемое им перед началом битвы: словно бы огненный комок возникал где-то внизу живота и, бешено вращаясь, отправлял он по жилам волны пламени, отчего мышцы приобретали силу и мощь такие, что, казалось, воин был в состоянии одним ударом своего кладенца перерубить тысячелетний дуб. Глаза обретали орлиную зоркость, слух обострялся до того, что давал способность услышать крадущегося печенег за сто шагов, шелест ветвей в соседнем перелеске, плеск карася в дальнем пруду... Не понимал умом Белояр, откуда эти способности взялись, да, если честно, и не задавался особо этими вопросами, да и к чему, если всё только в помощь?

Справа и сзади пристроился Тихомир, в руке его, вместо привычного всем меча, был увесистый молот, которым воин-кузнец крошил хазарские головы почём зря. Плечом к плечу с ним встал Радосвет, крепкий малый двадцати лет от роду, родом как раз из Ладogi. Родителей его порубили в знаменательный набег, с поры той будущий вой мечтал отомстить убийцам, для чего днём и ночью тренировал тело и разум, стремясь стать витязем. Мечом своим, который Радосвет ласково прозвал «Орликом», дружинник покромстил уже немало поганых; ловкий и вёрткий, он врубался в самую гущу вражеской орды и рубил нещадно, отдаваясь всецело на волю битвы. И хоть почти после каждого боя приходилось ему справлять себе новый щит и латать посечённую вражьими клинками кольчугу, он умудрялся каким-то непостижимым образом не получать не одной царапины. А ещё он был знатным скорняком и сапожником, латал сапоги и калиги всему десятку, причём делал это с неизменным удовольствием и тщанием.

Подле него поигрывал палицей северянин Одинец¹⁵, которому имечко подходило как нельзя лучше. Нелюдимый, малоразговорчивый, постоянно погруженный в себя, он оживал только в преддверии схватки. Казалось, что вся его жизнь проходит от битвы до битвы, остальное время он воспринимает только как досадные перерывы. Никогда он не принимал участие в общих разговорах у кострища, никогда не рассказывал о своём житье-бытье там, за пределами княжеской дружины. Хотя, когда они останавливались на долгий зимний постой близ

¹⁵ Одинец (древнерус.) – бобыль, одинокий человек.

палат княжеских, Одинец исчезал куда-нибудь на неделю-другую, возвращаясь к сроку ещё более хмурый, нежели прежде. Но бился воин всегда как в последний раз, был ловок и мастеровит в воинской науке, силушку имел недюжинную и, казалось, вполне мог бы забороть самого Тихомира, если бы пожелал. Но ко всем мужицким игрищам был Одинец абсолютно равнодушен, и поэтому никто не смог ни разу проверить этого по жизни.

Вольга прикрывал всех с тыла, остальные четверо дружинников – Падун, Ивор, Шумило и Живко – рассредоточились и внимательно смотрели по сторонам: абы кто оттуда не пришёл.

– Что чуешь? – почти выдохнул Белояр. Волчок помотал головой, словно отгоняя навязание:

– Не пойму чего-то, десятник... Вроде, как и чую нежить какую рядом, а с другой стороны, навроде, как и далече она...

– Нежить? – недоверчиво переспросил Вольга. – Ты ничего не путаешь, малый? Откедова ей взяться среди бела дня?

Волчок недовольно повёл плечами: он терпеть не мог, когда кто-то сомневался в его словах. Сказал – нежить, знать, имел на то основания. Но вслух ничего не произнёс.

– Ну, если неча больше сказать умного, – буркнул Белояр, – тогда пошли к лесу. Всё само собой разрешится.

Тихомир, отлично слышавший лёгкую перепалку, только головой помотал, он не любил, когда что-то решалось второпях. Был он рассудителен и вдумчив в поступках.

Дружинники сбили строй, Ерёма остался у крайнего тыла, снял с головы шапку, теребил её и широко открытыми глазами наблюдал, как десяток приближается к тёмной границе леса. И когда до чахлого первого подлеска оставалось с пару десятков шагов, из лесной чащи раздался неистовый хохот, от которого у крестьянина могильный холод сковал спину, а редкие волосы на голове стали подниматься дыбом!

Вскинулись и дружинники, набычились, выставили перед собой высокие щиты с бронзовыми умбонами¹⁶, кисти побелели под латными рукавицами, сжимая рукояти оружия. Белояр махнул мечом, десяток сбил щиты в плотную линию и – вовремя!

Из кустов с треском выскочило полтора десятка одетых в лохмотья, вооружённых мечами и алебардами людей. Вот так вот, сразу, десятник даже и не смог определить, кто это, настолько быстро всё произошло! Нападавшие врезались в строй дружинников, нанесли первые удары, которые пришлись в щиты и – реже – в доспехи воинов, в ответ русичи дружно сделали шаг вперёд и атаковали противника. Слитно взлетели вверх клинки и громадный молот, врубались кто в мягкую и тёплую плоть, сразу же откликнувшуюся криками боли и алыми фонтанами из перерубленных вен и артерий, кто встретил достойный отпор в виде изогнутого, необычной заточки меча. Уже рухнули на ещё жухлую весеннюю траву первые тела, второй удар десятка отбросил нападавших обратно к лесу, но тут из чащобы полетели чёрные стрелы со знакомым хазарским оперением!

– Смотреть! – рявкнул десятник, и пять щитов взметнулись вверх, создавая людям деревянную крышу, в которую тут же застучали наконечники стрел. Когда смертоносный град стих, Белояр приказал:

– Обрубить древка!

Взмахами мечей воины обрубили стрелы, застрявшие в щитах, Волчок сбил три стрелы со щита Тихомира, пока тот своим молотом просто сносил возникавших перед ним хазар.

– Сзади! – неистово крикнул Падун и в широком замахе снёс голову громадному басурманину, который уже вознамерился было воткнуть свою алебарду в спину Белояру. Разбрызги-

¹⁶ **Умбон** (лат. *umbo* «выступ, выпуклость») – металлическая бляха-накладка полусферической или конической формы, размещённая посередине щита, защищающая кисть руки воина от пробивающих щит ударов. Под умбоном часто находится ручка, за которую воин держит щит. Также выступает в качестве украшения щита. Нередко умбону придавалась заострённая форма, позволявшая наносить поражающие удары щитом.

вая красные капли, голова с застывшим в ужасной маске смерти лицом покатила кошмарной колодой под ноги нападавшим, которые в ужасе шарахнулись в стороны, на мгновение давая отряду передышку и возможность перестроить ряды, отпустив в тылы тех, кто подустал.

– Щиты сомкнуть, – прохрипел десятник, и снова перед нападавшими встала незыблемая стена дерева, укрепленного бронзовыми накладками.

– Что-то их много, – буркнул Вольга, успевая стереть под со лба и шеи. – Боюсь, не сдюжим мы, если они ещё пару раз в атаку вот так, всем скопом повалят.

– Сдюжим, – хмыкнул Титомир, глядя на нападавших поверх щита горящим взглядом. – Да и не нападают они по-серьёзному, так, дуркуют... Смотри, Белояр, они даже и не спешат нападать снова, будто ждут чего-то.

Белояр кивнул. Он тоже не понимал, чего тянут кочевники. Их было вдвое больше, и они в любой момент могут раствориться в лесной чаще... Но они медлят, держат отряд на расстоянии пики или длинного выпада меча. Хотя, и потери они понесли несерьёзные, к тому же, кто знает, сколько их там ещё, в лесу этом?

– Что-то здесь не так, – коротко бросил Шумило, сопя и потирая нос, по которому один из нападавших успел захватить кулаком. Нос ратника стал лиловым и неистово распух, чем приводил его владельца в тихую ярость. – Нужно хоть одного живым прихватить да порасспросить с прилежанием...

– Нам бы хоть кому живым ноги унести, – с присущим ему оптимизмом откликнулся красавчик Ивор. За лёгкий характер и острый язык любили его девки, по что имел их десяток не раз мужские разговоры с крестьянами тех сёл, где приходилось задержаться на постой. – Эвона как они на нас бельмами зыркают!

Время от времени то один, то другой басурманин выскакивали из общей кучи и пытались нанести удар в разрез между щитами, но дружинники не теряли бдительность, и попытки все оказывались тщетными. Но так долго продолжаться не могло, пора было либо отступить в деревню и там закрепляться, либо нападать и заканчивать начатое. И тут Шумило, крикнув «дайте-ка мне место!», вдруг резко опустил щит и, сорвав с пояса длинный аркан, который неизменно носил с собой, лихо крутнул его над головой и бросил во вражескую гурьбу.

Кто-то истошно заорал, произошло беспорядочное шевеление в толпе, а Шумило уже волок по мокрой траве к себе схваченного ремённой петлёй поперёк тела трепыхающегося хазарина.

– За строй его, – крикнул Белояр, краем глаза увидев, как на голову бедолаги опускается кулак Одицца. Он успел отразить своим щитом случайный удар копыя, но потом в лесу вдруг раздался такой неистовый вой, что десятник рухнул на колени, кривясь от адской боли и зажимая ладонями уши... Рядом падали его сотоварищи, катаясь по траве с гримасами боли на обезображенных страхом лицах. А сквозь стволы леса прямо им в лица полыхнуло ослепительное пламя...

Глава 3. Древняя Монара

*Такие чудеса, что дыбом волоса.
Славянская пословица*

Вспышку Белояр уловил за мгновение до того, как пришло осознание, что это – смерть и его, и его отряда. Он выкрикнул во всю мощь своих лёгких, не надеясь, впрочем, на то, что кто-то услышит, а уж тем более выполнит команду:

– Ложись!

И сам рухнул лицом в мокрую траву...

Дружинники скорее внутренним чутьём, нежели слухом уловили приказ десятника, повалились кулями следом, прикрывая голову руками, только проводник Ерёма остался стоять столбом, глядя на то, как из темноты девственного леса выплывает, тянется к нему призрачное облако неведомой мари, чем-то напоминающее утренний туман над болотом.

Истерично вскрикнули хазаре, те, что не успели увернуться от бестелесного касания неведомой магии, на их месте вспыхивали и тут же угасали оранжевые столбики пламени. Ерёма видел, как к нему приближается сама Смерть в пламенном обличье, но ничего не мог с собой поделать. Лёгкая, как дуновение утреннего ветерка, полупрозрачная вуаль коснулась последнего кочевника, обратив его в огненный столп, и вдруг замерла, не долетев до крестьянина каких-то пару саженей... Плеснула радугой искр – и опала...

И Ерёма, закатив глаза, тоже в беспмятстве мешком сполз на траву там, где и стоял...

Первым рискнул приподнять голову Волчок. Ему всегда не терпелось больше других то ли в силу возраста, то ли из-за своего беспокойного характера. Встав на четвереньки, разведчик быстро окинул взглядом окрестности, присвистнул:

– Эки дела...

Остальные тоже принялись подниматься, оправлять сбрую¹⁷, переглядываться, чтобы убедиться, что все целы. К удивлению Белояра, целы оказались все, даже горе-проводник избежал удара странным колдовством, а что это именно чьи-то тёмные чары, десятник не сомневался.

– Тихомир, – окликнул он гиганта, – пройдитеесь-ка с Вольгой окрест, посмотрите, что тут было, кто на нас чары пытался наслать... Должны были остаться следы.

– Эй, десятник, – окликнул от самого края леса Одинец, – глянь-ка, что тут сотворилось...

Когда Белояр подошёл, то удивлённо крякнул: там, где ещё несколько мгновений назад стояли хазарские воины, были только кучки пепла вроде тех, что они нашли утром, когда входили в деревню. Кусты вокруг были опалены каким-то неистовым огнём. Ветви обуглены, словно бы здесь бушевал лесной пожар наподобие тех, что в жаркую пору подпаляют торфяники и не затухают, тлеют до зимних холодов.

– Ох, матушки мои, – донеслось откуда-то с крайнего огорода, дружинники обернулись и увидели выкабкивающегося из зарослей крапивы трясущегося, с перекошенным от ужаса лицом Ерёму. Падун, оказавшийся к проводнику всех ближе, с усмешкой протянул ему руку, помогая явиться на свет Божий.

Белояр подошёл к нему, внимательно осмотрел. Убедившись, что, как и остальные, Ерёма не получил видимых увечий, десятник буркнул:

– И что это было? Ты знаешь, человек?

¹⁷ Здесь – броню.

Ерёма энергично замотал головой, отчего из его всклокоченных косм и бороды полетели в стороны прошлогодние прелые листья.

– Вижу в первый раз, клянусь Велесом! Нечистые это дела, как и пропажа всех в нашей деревне...

– Ну, куда народ подевался, мне-то теперь ведомо, – Белояр мотнул головой в сторону леса, на опушке которого темнели пятна пепла – всё, что осталось от не слишком расторопных разбойников. – А вот кто наслал на деревню, да и на нас эту нечисть, нам ещё разбираться предстоит. Сам-то что думаешь, селянин? Допрежь случалась у вас такая напасть?

Ерёма опять замотал головой.

– Нет, чтоб мне провалиться на месте, княжий человек! Даже староста наш, Радослав, как первые двое пропали, сразу же меня к вам снарядил, благо, узнали мы, что дружина княжья в наших местах заночевала...

Белояр покивал, поправил перевязь щита, закинул его за спину, меч, однако, в ножны убирать не стал.

– А где тот басурманин, коего Шумило на аркане приволок? – вдруг вспомнил он. Обернулся к десятку. Шумило, неожиданно смущённый, вышел вперёд и протянул десятнику обгоревший конец кожаного ремня.

– Вот, – дружинник понурился. – Всё что от ирода осталось... Хотел бежать, когда мы все в траву мордами легли, да под проклятый огонь попал. Токмо чуваки и остались...

Белояр покачал головой, взял из рук дружинника остатки аркана, внимательно осмотрел, даже принялся. Отбросил в сторону. Вдохнул.

– Вот что, братья, – обернулся он к собравшимся подле него дружинникам, – хочу с вами совет держать... Дело своё мы сделали, теперь знаем, что прав волхв оказался: большая беда надвигается на наши земли, и это не хазарская немочь, с ними мы бились и биться будем, не привыкать. А что вот с нечестью этой делать, я пока ума не приложу...

– Не бери в голову, Белояр, – вставил свои гроши в разговор Вольга. – С такой напастью, по ходу, никто пока не стакнулся. Мы хоть выжили – и то хлеб, намерен вон деревенскому люду так и вообще не повезло.

Десятник покачал головой.

– Так что, други, делать будем? Возвращаемся ни с чем к войску или идём дальше, чтобы самим всё доподлинно разведать?

Воины переглянулись, по неровному строю прокатился лёгкий ропот, потом за всех ответил Вольга:

– А как скажешь, брат... Но Ярополку-воеводе и волхву Миловану надобно знать, что тут случилось, и куда подевался его самый отчаянный десяток... Негоже самоуправством заниматься, нас за такое по голове не поглядят, поверь...

Бойцы одобрительно загудели. Порядок в войске любили.

Белояр кивнул.

– Славно, что в главном мы сходимся. Для начала всю округу обшарим, постараемся следы отыскать этого лиха, что нас чуть к Велесу не отправило... Ну, а после... Предлагаю послать гонцом к воеводе Ерёму, пусть расскажет о том, что тут произошло, может, чего и от себя добавит. А мы отдохнём и дальше двинемся.

Вольга выступил вперёд и поднял руку, взоры всех сразу же обратились к нему.

– Я так мыслю, что не след нам горячку пороть... К Ярополку надобно послать двоих: Ерёму, само собой, и, к примеру, и я сам с ним пойду. Мы не только доложим воеводе, что да как, но ещё и приведём лошадей – основных да подменных: и самим будет проще верхом землю мерить, да и доспехи ловчее на лошадей навьючить, кто знает, сколь далеко зайти придётся. Заодно и сторону эту разведаем, не помню, чтобы кто-то в те земли из наших хаживал. Пяток вязанок стрел на первое время нужно прихватить... Харч-то по деревне пособирайте,

так как некогда нам будет охотой да рыбалкой перебиваться поначалу. А посланник княжий пусть делами своими занимается, на мелочи не отвлекаясь. Верно говорю, братцы?

Довольный рёв был ему ответом. Вольга повернулся к Белояру:

– Как тебе мой план, десятник?

Белояр кивнул.

– Подходяще. А ты уверен, что мы следы той нежити отыщем?

– А то! – расхохотался Вольга. – У нас один Волчок своры собак стоит, да ещё и мы поднапряжёмся. Искать будем во все стороны, глядишь – и попадётся рыбка в сети! Доспехи в обоз, сами налегке – что может быть лучше? Длиннее переходы, больше разведаем, меньше времени уйдёт на всё. Верно я говорю, вои? – обернулся он к остальным.

Ответом ему было дружное «Да, Вольга, истину глаголишь!». На том и порешили.

Гонцы отправились в дорогу сразу после обеда. Остальные принялись заниматься подготовкой к походу. Белояр выставил четверых в охранение, Одицца и Волчка, как наиболее опытных следопытов, направил искать следы хазар и выяснить, откуда именно они сюда забрели. Особо его интересовали те две цепочки странных узких следов, ведущих в лес и из леса, но ещё по первому разу Волчок, осмотревший их с особым тщанием, заявил, что готов голову положить за то, что пропадают они в сорока шагах, в лесу. Словно тот, кто их оставил, вознёсся на небо. Было это странно, непонятно и, следовательно, опасно.

Сам Белояр вместе с Тихомиром принялся осматривать брошенные дома, подбирать провианта в дорогу. Нашлось в достатке муки, сушёного мяса, вяленой рыбы, даже хлебушком дружинники разжились. Посчитал десятник: получалось, что на пару недель ходу хватит продуктов, к тому же в отряде имелись справные охотники, будет им попозже работёнка, а то давно уже докучали, когда, мол, можно будет силки поставить или подстрелить какую-либо живность. Вот и пусть тешатся в своё удовольствие и на пользу остальным.

Нашлись и бредни добрые, речушек по пути полно намечается, значит, с рыбой тоже вопросов не встанет.

Подбежал Радосвет, придерживая своего «Орлика», чтобы не шибко бил по ногам. Белояр, только что вышедший из очередной избы, поставил на крыльцо мешок с просом, глянул на дружинника вопросительно.

– Что стряслось, отчего пост покинул?

– Там, у леса, со стороны болота который, Шумило нашёл вон чё...

Парень развязал торбу на поясе, достал какой-то предмет и протянул десятнику. Тот пригляделся и собирался было уже взять вещь, чтобы рассмотреть получше, но тут выглянувший у него из-за плеча Тихомир вдруг страшно изменился в лице и, вывернувшись ужом, скользнул вперёд и резким ударом сбил находку с ладони Радосвета. Тот отшатнулся:

– Ты чего, с овина рухнул?!

Кузнец встал между ним и сотником:

– Ты откуда принёс эту дрянь?

– Так Шумило нашёл, возле болотной кочки лежала...

Белояр отодвинул Тихомира, склонился над находкой. Она представляла из себя с виду железный амулет, словно бы сделанный из переплетающихся змеек, очень тонкой работы, настолько, что даже чешуя на шкурах гадов была отчётлива различима. При том, что размером вещь была не больше мизинца, круглой и абсолютно чёрной.

– Тихомир, расскажи нам, что ведаешь об этой добыче?

Тихомир повернулся к Радосвету.

– Ты, смотрю, в латных рукавицах... Скажи, Шумило тоже их не снимал, когда подбирал это с земли?

Радосвет на мгновение задумался, потом просветлел лицом:

– В рукавицах был, точно помню, я ещё ему сказал настороже быть, чтобы не раздавил красоту такую... И что это, Тит?

Титомир нахмурился, что-то буркнул про себя... Но теперь уже Белояр решил всё выяснить до конца:

– Говори уж, коли начал... Мы здесь не в бирюльки играем, сам видишь, как всё оборачивается. Ну?

– Рассказывал мне один купец, пришедший из земель хазарских, что слухи ходят по тамошним местам: дескать, стали вымирать целые деревни в глубинке, в стороне от торговых трактов. Не помню уж, пропадали там люди, или изводил их какой мор... Только вот подле нескольких таких гиблых мест находили странные обереги, похожие на клубок переплетающихся змеек. И кто брал тот амулет в руки, умирал потом при странных обстоятельствах. Один утоп, хотя плавал получше карася, другой с лошади упал да голову отшиб. А слыл славным наездником. Третий сверзился со скамьи да голову расшиб, хотя брагой не баловался да ловок был, что твоя росوماха.

– Спасибо, Тихомир, славно службу знаешь, в таких походах нужно вниманием большим располагать, а ты, малый, к Шумиле сбегай, выясни, не касался ли он, случаем, этой гадости.

– Да, десятник, – Радосвет подобрался и бросился прочь. Белояр снял с пояса пустой кожаный кошель, вывернул наизнанку и, осторожно перехватив с земли вещицу, ловко опять мешочек вывернул обратно, затянув кожаные ремешки. – Вот так, воин, не только нам на поле брани, в лихой сече людей терять пристало, нынче подлая война идёт, она тоже свою жатву собирает. Выяснить бы только, кто это делает, что за напасть такая на наши земли притащилась?

– Выясним, десятник, обязательно выясним, – буркнул Тихомир, глядя исподлобья на Восток, словно думал найти там ответы.

Вольга с Ерёмой возвратились на третий день, за это время дружинники успели не только осмотреть все избы, но и изготавиться к дороге. Были собраны и увязаны продукты, Одионец отыскал в сарае пару мотков крепкой доброй верёвки – вещи в дальнем походе весьма необходимой. Оружие селян решили не брать, железо было так себе, да и ковка, по мнению Тихомира, оставляла желать много лучшего. Но он прихватил из деревенской кузни новое правило да кое-что по мелочи: теперь, когда гонцы привели полтора десятка справных лошадей, вопрос с избыточным весом отпадал сам собой.

За три дня разведчики облазили все окрестности, и теперь Белояр имел уже полное представление о том, что произошло в деревне. Но вот кто испепелил её жителей, по-прежнему оставалось загадкой.

– Вот, – Вольга передал Белояру полоску бересты с цепочкой знаков. – Грамота тебе от самого воеводы, мол даётся тебе княжеским велением право подпрягать в помощь любого, кто живёт под рукой князя нашего. Ну, чтобы не было затыка с продуктами или там с кормом для лошадей. Чай, государево дело вершим... Стрел прихватил пару вязанок, по полсотни в каждой, несколько луков да запасные тетивы, дратвы да кожи, обувку при случае починять...

– Постой-постой, дядька Вольга! – расхохотался десятник. – Да ты, почитай, на годину собрался в поход? К чему всё это?

Старый вояка хитро прищурился:

– Эх ты поспешаешь всегда поперёк старших... Я ж ещё и не договорил даже!

Белояр покачал головой, усмехаясь, но сердце неожиданно кольнула раскалённая иголка в предчувствии недоброго. Он исподлобья глянул в нарочито безмятежное лицо старого дружинника.

– Что ещё Ярополк на словах передать просил? – спросил с напускным спокойствием. Вольга руками развёл.

– Да ничего такого, что бы стоило внимания твоего... Разве что... Через три недели у Голого Камня надлежит тебе встретить и принять в отряд ещё четыре десятка, которые идут под началом варяга Гонты, а ты сам отныне уже не десятник, а сотник, ибо теперь тебе звание такое по рангу положено. Идти нам приказано далее, на Обедник¹⁸, до тех пор, пока не разрешим мы, зачем Орда хазарская вдруг наступать перестала? Чего супостат задумал? Куда стали пропадать люди наши, кто жжёт деревни и городки? И мы все теперь выполняем Дело Кесарево, вот значница как...

От новости такой бывшего теперь уже десятника просто столбняк пробил: Дело Кесарево! Это какая ж ответственность теперь на нём! Если приказ сей не исполнить в надлежащем виде, могут ведь на Вечевой площади при всём честном народе и голову с плеч снести! Хотя, с другой стороны, и позволения ему теперь великие даны, в походе он едва ли не выше самого князя! Сам себе и господин, и судия, и воевода... От натужных мыслей оторвал развесёлый клич Волчка:

– Хвала новому сотнику Белояру! Качать его, братцы!

И не успел ещё сам новоиспечённый сотник осознать, что творится вокруг, как его вдруг подхватили сильные руки и вознесли куда-то вверх, прямо в синеву глубокого, бездонно-весеннего неба...

Когда Ярило скатилось за острую кромку леса, и на землю опустился бодрящий холод ранней весны, Белояр подошёл к костру Вольги и его приятелей – Оди́нца и Шумилы. К ним как-то прибилсь и Ивор, который ещё не завёл в десятке друзей, поскольку присоединился к ним прямо перед походом. Но со всеми парень сошёлся быстро, и от своих костров его никто не прогонял. И хотя Ивор был поразительно красив, чем вызывал лёгкую зависть Падуна, охочего до женщин и пиров, в нём с природной грацией сочеталось изумительная ловкость в обращении с мечом. Как-то он проговорился Волчку, что так владеть холодным оружием его научил покойный отец. Тот хаживал за моря с норманнами, многое повидал и поделился с сыном секретами боя северян. Это было близко к правде, Ивор действительно владел несколькими приёмами, которые были не в ходу у русичей. Радосвет уже даже изучил пару и весьма ловко повторял их своим Орликом.

Кивнув присутствующим, новоиспечённый сотник присел к костру, опустившись на большую колоду. Оди́нец придвинул ему миску с похлёбкой, Ивор протянул ломоть хлеба на чистой тряпице. Благодарно кивнув, Белояр принял угощение и, словно походя, поинтересовался у Вольги:

– А что, волхв Милован на словах ничего лично для меня не передавал?

Вольга отставил пустую миску, аккуратно вытер протянутым ему рушником губы и бороду, крикнул:

– Эк ты, сотник, и ловок под руку говорить... Вон, чуть рушник в костёр не выронил от нежданки... Передавал, как не передать, ежели ты, если посудить, за этим меня и посылал. Кстати, именно по его наущению воевода расщедрился аж на четыре десятка подмоги. Знает что-то старый мудрец, ох, ведает нечто нам, простым смертным, не ведомое... Да только говорит околлицей, сразу и не поймёшь.

– Не томи, говори уже, – Белояр к еде не прикасался, показывая, что сообщение важнее страстей телесных.

¹⁸ Юго-Восток (древнерусск.).

– А что говорить? Рассказали мы ему в подробностях, что да как тут было, так его из всей этой галиматии больше всего следы те, которые почти детские или женские, заинтересовали. И велел он передать, что во всём, скорее всего, замешана Монара...

– Монара? – голод всё-таки своё брал, и сотник отведал похлёбки... Она уже перетомилась на углях в ожидании, была наваристой и очень духовитой. – Что за Монара такая? Не слышал никогда.

Вольга кивнул:

– Знамо, не слышал. В наших краях её не видывали отродясь. Волхв говорит, что явилась она вместе с хазарами, но не в дружбе с ними, а как бы рядом, питается отбросами со стола кочевников.

– Это как? – Белояр аж ложку отложил, хотя есть хотелось выше меры.

Вольга предостерегающе вытянул руку:

– Погоди, сотник... Не спеши... Она питается не людьми, она... Милован пытался объяснить, да не совсем понял я... Она души людские пользуется, этим и живёт. Кого коснётся её чёрное дыхание, тот словно бы куклой тряпичной становится... Пустой сосуд, ходит бесцельно, смотрит да не видит, слышит, но не понимает. Нежить, одним словом. И вот когда хазары деревню разоряют, приходит Монара, и высасывает души тех, кого в полон не забрали.

– А потом сжигает? – осторожно попытался дополнить Белояр, но Вольга только отмахнулся:

– Да нет! Я тоже пытался это втолковать волхву, но он оборвал меня. Пепел, говорит – это что-то совсем другое. Поэтому и попросил Милован Ярополка подмогу тебе послать. Говорит, там встретится такое, что десятком и лезть не стоит, только, мол, людей погубим. Нам в том походе сила нужна великая, не менее полусотни. И сам, говорит, к отряду Белояра пристану, позднее, у Голого Камня меня ждите. Вот так.

– Монара, – Белояр покачал головой. Только этой напасти не хватало! – Хорошо, а можно от неё как-то защититься? Заклинания, там, ворожба?

Вольга пожал громадными плечами.

– А как защититься от того, о чём не ведаешь? Волхву я задал такой вопрос, он руками развёл. Но, говорит, слышал, что огня она боится, не подходит туда, где света много. А после хазар в деревни заходит, потому как люди там слабые, горем побитые, нет у них силушки ей противиться.

– Так, стало быть, мы ей не по зубам, этой Монаре? – вставил Ивор и широко улыбнулся. Улыбнулся и Белояр.

– Да уж, нас слабаками назвать ни у кого язык не повернётся... И вот что, замолчите на пару минут, дайте поесть вашего варева, весь день на ногах...

На утро отряд принялся готовиться к выходу. Снаряжение и продукты были заранее увязаны в тюки из плотной ткани, распределены по пяти лошадям. Из оружия дружинники оставили при себе ножи и щиты, которые забросили за спину, там же до боя успокоились и мечи. Волчок и Падун выбрали себе по луку, поскольку слыли мастерами стрельбы из него. Шумило приторочил к седлу ещё и длинный аркан, свёрнутый кольцами. Ерёма наотрез отказался оставаться в своей деревне, ему выделили небольшую кобылку из тех, что присмотрели в деревне, и вооружили там же прихваченным мечом, дескать, на раз отбиться хватит, а там уж остальные подоспеют. Не привыкший к оружию селянин пытался отказаться, но Вольга только глянул на него сурово, и Ерёма обречённо сунул оружие в добротные деревянные ножны на поясе, которые ему подобрал Тихомир. Выехали, едва Ярило вынырнуло из-за дальней кромки леса. В его лучах природа казалась ласковой и приветливой, птицы отошли от грохота битвы и завели свою привычную песню, где-то в глубине леса ухал филин, дятел оглашал окрестности гулкой дробью.

Природа оживала ото сна, холодная ночью земля слегка парила, пришлось накидывать тёплые плащи. И хотя хрупкого ледка на траве уже не наблюдалось, металл оружия холодило, и радовало, что кольчуги путешествуют не на владельцах, а в дорожной поклаже. Мера разумная со всех сторон, как ни посмотри.

Ерёма трусил впереди, по его словам, все дороги в окрестностях на двадцать вёрст¹⁹ он переходил в ватагах лесорубов, и знает их, как свои пять пальцев. Рядом с проводником ехал Радосвет, взявший над крестьянином негласное покровительство. Увидев такого витязя в охранниках, крестьянин словно ожил, и даже его козлиная бородёнка стала выглядеть значительно бодрее.

Белояр занял место в середине отряда, так было привычнее держать под неусыпным вниманием всю кавалькаду. Шествие замыкали Вольга и Одинец, как наиболее опытные.

Сначала узкая тропка петляла по подлеску, потом вокруг к небесам взлетели настоящие сосны-гиганты! Прямые, как древка копий, стволы, казалось, уносятся в бесконечность, где-то высоко над головами голубизна неба едва просачивалась сквозь густые кроны. На тропу опустился сумрак, воины поневоле сбили плотнее строй, никому не хотелось отдаляться от приятелей, который готовы всегда прийти на помощь.

Ерёма притих. Если до этого он всё порывался напевать какую-то немудрящую мелодию, то сейчас его глазки дико бегали по сторонам, мурашки толпами пробегали по сутулой спине, и крестьянин вдруг подумал, что и не знает, каким богам молиться, чтобы этот лес закончился поскорее.

И вот когда вдалеке забрезжил просвет, и было уже видно, как за чёрным сводом листвы желтеет согретая утренним теплом небольшая поляна, в перемётную суму возле седла Падуна вонзилась стрела со знакомым чёрным хазарским оперением!

¹⁹ **Верста** – мера длины, равна примерно 1, 67 километра.

Глава 4. Камо грядеши?²⁰

Иль погибнем мы со славой.

Иль покажем чудеса!

Демьян Бедный

Ивор наклонился над поверженным стрелком и спросил с насмешкой, от которой, казалось, даже на соседние кусты готова была вот-вот выпасть серебристая изморозь:

– Откуда ж ты будешь, голуба, горе-стрелец на нашу голову?

Придавленный сапогом человек завошкался в попытке выскользнуть, отползти в сторону, и при этом смотрел глубоко посаженными, злыми по-волчьи глазами на дружинника. Лохматая борода, торчащая патлами, сердито оттопырилась, видно было, как под ней ходили тугие желваки.

Белояр подошёл к Ивору, встал рядом, положил ему руку на плечо:

– Не переусердствуй, смотри, парень, он нам нужен живым и по возможности разговорчивым. По собственному недогляду или недомыслию, но он не успел нам навредить... Эко дело: попортил суму. От нас не убудет. А вот откуда он такой дерзкий взялся, нам и предстоит выяснить.

Сотник поднял голову, глянул на слегка подзатынувшееся серыми облаками небо. Ощущение было такое, что вот-вот начнётся снег, чему он бы не удивился: как-никак весна ещё только в свои права входит, до по-настоящему тёплых дней ещё дожить надобно.

И словно отвечая на его потаённые мысли, неожиданно отозвался пленник:

– Боярин или кто ты там... Вели отпустить меня, не враг я дружине русов...

Белояр с интересом склонился над поверженным стрелком:

– Не враг, говоришь? Ну, предположим. А как понимать то, что стрелял в моего человека?

– А я разве в него стрелял? – хмуро спросил пленник. Сотник переглянулся со столпившимися вокруг воями, дружинники дружно расхохотались. Лучник зыркнул на своих пленителей огненным взглядом, что тут же отметил Падун, в этой ситуации бывший главным потерпевшим: как-никак, но целились-то действительно в него. И словно бы читая его мысли, пленник проговорил:

– Если бы я в него целил, то уж попал бы, не подумайте чего плохого... Я ж охотник, белку в глаз бью с полусотни сажень! Неужто бы с такого расстояния промахнулся?

Белояр развёл руками.

– Ну, а тогда стрелял-то зачем?

– Внимание хотел обратить на себя, да заодно и убедиться, что вы именно те, кто мне надобен...

Сквозь круг людей, обступивших пленника, протиснулся Одинец, встал на колени, всмотрелся в заросшее густым волосом лицо, обернулся к сотнику.

– Кажись, знаком он мне, Белояр... Где-то пересекались... Но что он из смолян – и к гадалке не ходи, не хазарин это.

Падун тоже наклонился, чтобы лучше рассмотреть пленника, казалось, что он начинает вспоминать нечто, связанное с этим человеком...

Лучник вывернулся из-под сапога Ивора, приблизил лицо своё к лицу Падуна, оскалился в жуткой ухмылке:

²⁰ Ками грядеши? (старослав.) – Куда идёшь?

– А скажи ещё, Падун, что не лазал ты в окно к моей сестрице, когда на ярмарку заезжал в прошлом годе, в Кольцов-град, а?

– Кольцов-град... дык чуть поболее села-то будет, а туда же, – буркнул в сомнении Падун, но вдруг лицом переменялся, широкая улыбка сменила гримасу сомнения.

– Да никак это Ермолай! – вдруг вскричал он и, ухватив человека за грудки, одним рывком поставил его на ноги. – Смотри, сотник, вот тебе лучший стрелок из смолянской братии! Ермолай, сварожий сын, ты чего ж в меня-то стрелять удумал?

– А в кого ещё было стрелу пускать? Ты вишь меня признал, а другие просто бы голову снесли, не спрашивая, кто да что...

Мужчины обнялись, остальные вздохнули с облегчением. Одинец вложил меч в ножны, Ивор отошёл на шаг, расслабился. Это он заметил стрелка после того, как Падун вскинул в руке щит, а вездесущий Шумило враз спеленал того своим арканом. Впрочем, как выяснилось, лучник и не стремился скрыться.

Падун подвёл Ермолая к Белояру, хлопнул по плечу своего знакомца.

– Вот, сотник, знакомься: мой старый знакомец, Ермолай из Кольцова-града, лучник, каких поискать.

– Что лучник, я сразу понял, – засмеялся сотник. – Только вот скажи мне, Ермолай, отчего ты хазарское оружие пользуешь? Аль наши луки хуже, бьют не столь метко или не так далеко?

Ермолай пожал могучими плечами. Теперь, когда он стоял во весь рост, оказалось, что он не уступал статью Одинцу: такая же косая сажень в плечах, мощные мышцы, кряжистый стан.

– А как сам думаешь, сотник, что будут делать лихоимцы, если обнаружат мои стрелы?

Сотник кивнул:

– Понял я тебя, смолянин... Насторожатся и станут искать стрелка.

– Верно говоришь. А я на всю округу, похоже, единственным русом остался. Выжжены все деревни, вырезаны все жители. Или просто куда-то пропали. Я ещё с большого снега по округе брожу, врагов выискиваю и наших, коим ещё помочь можно. Так за последние дни вообще ни одной живой души не встретил. А вот ряженных под наших витязей встречал дважды. Если на рожи не глядеть, так и не отличишь... На конях рост не определяется, сам знаешь... Потому и к вам таким образом просватался...

– Молодец, – кивнул Белояр. – Уж коли тебя Падун признал, а ты его обозначил, стало быть, вопрос к тебе имеется: чего из Кольцова ушёл и что здесь ищешь?

Дружинники между тем стали потихоньку расходиться, приводить в порядок оружие, готовить коней к дальнейшему походу. Рядом остались только Падун и Вольга.

Ермолай сдвинул шапку, почесал пятернёй в косматом затылке:

– Так мочи нет сидеть на печи и ждать, когда твой город пожгут басурмане! А не дошли они до Кольцова всего-та полсотни вёрст, даже и не ведаю, что их остановило.

Белояр покивал каким-то своим мыслям, продолжил расспрашивать:

– И ты вот так один воюешь с тьмами кочевников?

Ермолай кивнул.

– А что остаётся? Пока князья бьются промеж собой, враги только тешатся, захватывая беззащитные земли. Вы вот под чьей рукой ходите?

– Под Любомиром мы, князем Старой Ладogi, десяток его старшей дружины. За нами и войско во след идёт, – слегка покривил душой Падун.

– И далеко ли Ладога войной пошла? Неужто на самого кагана, вождя из семьи Ашинов? – недоумённо раскрыл глаза смолянин. Белояр отмахнулся, недовольно посмотрел на Падуну: распустил язык в присутствии сотника! Буркнул:

– Не нашего ума дело, что князь наш замыслил. Идём – значит нужно. Если ты с нами, вот Вольга, моя правая рука, поставит тебе место в строю. А коли и дале будешь сам по себе,

так не обессудь: иди своей дорогой, держать не станем. Но должен тебя сразу предупредить, что дело наше опасностей не чуждое, всякое случиться может. Мы-то князьи бражники, нам приказ даден – исполняем. А тебе приказывать нет у меня права. Потому и так перед тобой откровенничаю.

Ермолай потупился, глянул исподлобья.

– А чего ж я с вами тут балясы точу? Думаете, славно вот так одному, аки волку серому, по лесам шляться, не ведая, чем на миру живут люди? И от ворогов с души воротит, вот где отыщу, там и резать готов...

Он вдруг снял шапку, вытер враз намокшие слезами глаза, обернулся к Падуну:

– Ты ж помнишь Любаву мою, как ты к ней сватался, а, брат?

Падун хмыкнул, отвёл глаза, но отвечал честно:

– Ну, было дело... Не стану грешить враньём... Сватался, да ты только меня взашей выставил, мол, голь перекатная, без роду, без племени... Хотя, если подумать, в чём-то ты и прав был. И как брата единоутробного Любавушки я тебя понимаю и зла не держу...

Смолянин вдруг схватил дружинника за руки да так, что у того кулаки побелели:

– А нету больше моей и твоей Любавушки, зарезали её с остальными обозниками, когда они из соседнего града с хлебом возвращались. Всех вырезали хазары, даже в полон никого не брали. Год уж как схоронили мы её...

Ермолай вдруг упал на колени и зарыдал в голос, не стесняясь оторопевших от чужого горя, пусть и переживаемого в новый раз, дружинников. На Падуну было смотреть страшно: его глаза сумрачно сияли каким-то боевым безумием, он смотрел на Восход, словно желал узреть там, в степях хазарских, ненавистных убийц ни в чём не повинной девушки.

Волчок толкнул его в бок кулаком:

– Отомри, Падун... Ей ты сейчас не поможешь, зато месть твоя будет тем слаще, чем больше мы этих поганых в землю положим... Знать, верхнеладожский князь мудр, коли поход этот замыслил. Мы ещё и на пару сотен вёрст не углубились в земли, что под ворогом ходят, а уже душа хорошей драки просит...

Падун помог подняться несостоявшемуся шуину с земли, обнял его за талию и, что-то негромко говоря на ухо, повёл в сторону обоза. Оно и верно, подумалось Белояру, человека нужно вооружить, доспехи в запасе есть, мечи со щитами тоже... А уж лук у того и сам по себе приметный.

Следующие два дня прошли в относительном спокойствии. Волчок с Живко кружили вокруг отряда, уносились на пол дневного перехода вперёд, старались не упустить ни одной мелочи. Но хазарские полки как в воду канули. До Одинокого Камня оставалась пара-тройка переходов, погода стояла ровная: по ночам, как и должно, морозило, зато днём Ярило отыгрывалось на дружинниках, высушивая за считанные часы намокшую от утренней росы или изморози одежду.

Дорогу определял Волчок изумительно точно, хотя, по его собственным уверениям, в эти края он не забредал никогда. Живко отлично справлялся с ролью разведчика и не только умел находить кристально чистые ключи, но и предсказывал погоду почти безошибочно.

Поутру и вечером после того, как люди располагались на ночлег, Белояр проводил короткие, но очень насыщенные тренировки, во время которых бойцы делились навыками боя на мечах, тонкой наукой читать следы или выслеживать противника в глухом лесу, умением стрелять из большого лука. И во время таких занятий не было старших и младших: все старались, чтобы каждый умел по возможности заменить в бою товарища. Все понимали, что от этого зависит не только успех всего порученного им дела, но и жизнь любого из них. А то, что по пути не встречалось пока опасностей, только раззадоривало и настораживало дружинников. Они прекрасно понимали, где они находятся, и насколько силён враг.

А как-то пришёл сон... Необычно яркий, даже весьма красочный. Словно бы происходило действие где-то в неведомой стране, и сходились в яростной схватке два громадных воинства, столь огромных, что в пыли, поднятой тысячами ног, даже не было видно конца сияющих медными доспехами шеренг.

Одни воины были с длинными щитами, полукруглые шлемы чем-то напоминали шлемы норманнов да и самих русичей. Смуглые, с чуть раскосыми глазами, они выстроились в несколько шеренг, ошестинившихся длинными копьями, увенчанными кистями из крашеного конского волоса.

Против них выстроились воины в цельных медных кирасах, тускло отсвечивающих в лучах полуденного солнца. Стройные квадраты бойцов с квадратными щитами и в шлемах с плюмажами, вооружённых короткими обоюдоострыми мечами, двигались по полю, перестраиваясь к атаке с удивительной чёткостью.

Белояр увидел, как два воинства сошлись, грохнул слитный металлический гул, когда пики ударили в окованные медью деревянные щиты, оглушительный клич «Барра!» повис в воздухе. Сотник мог разглядеть каждый жест, каждый удар... И он вдруг увидел то, в чём именно сейчас отчаянно нуждался...

Проснувшись, Белояр долго лежал в предрассветной тишине и смотрел в высокое звёздное небо. Месяца не было, и даже свет мириадов звёзд-светлячков не рассеивал ночную тьму. Полосой протянулась через всё небо Гусиная Дорога²¹, скатывались к горизонту Три Плуга²², знаменуя скорое наступление утра. Но сотник не мог носить в себе вновь приобретённое знание, нетерпелось проверить его на практике, попробовать на вкус. И он, осторожно, чтобы не разбудить товарищей, сбросил плащ, в который кутался, лёжа у кострища, кивнул часовому, чтобы не разбудил случаев остальных, и, подхватив свой меч, скользнул прочь с поляны.

Уйдя подальше, Белояр остановился, перевёл дыхание, огляделся... Он стоял на небольшой полянке, вполне достаточной для его целей. Достав меч из ножен, он осторожно попытался воспроизвести то движение, что так запало ему в голову во время сна. С непривычки оно показалось ему излишне сложным и противоестественным, но, в какой-то момент подхватив темп и доверившись исключительно двигательным рефлексам, он смог воспроизвести вполне осмысленно этот коварный приём, а потом многочисленными повторами закрепить его в мышечной памяти. Опыт воина помог, хотя, как понимал и сам Белояр, чтобы довести этот финт до автоматизма нужны месяцы изнурительной работы. Но сейчас был важен сам принцип...

Когда на привычной утренней разминке десяток выстроился в две шеренги, разбившись на противоборствующие пары, сотник медленно показал им своё нововведение.

– Бред какой-то, – честно сказал Радосвет, когда не смог повторить движение точно и слитно. – Это как словно бы дерёшься сразу с двумя... А тут в пору бы одного одолеть...

– Точно, – подхватил Ивор. – Не совсем понятно, сотник, для чего это...

Белояр опустил меч, глянул в глаза воинам, улыбнулся.

– Я понимаю вас, братья. Это действительно неудобно. Когда ты отбиваешь щитом удар одного, а сам бьёшь не его самого, а его соседа справа от вас. Но вы только посмотрите: в тот момент для вас правая сторона его открыта, рука занесена в замахе, и можно бить его под мышку, в место, слабо защищённое кольчугой! Сейчас мы разобьём движение на отдельные моменты и повторим то же самое, только сначала очень медленно...

²¹ Старославянское название Млечного Пути. Назывался он также Становище, Птичий Путь или Соломенный Путь.

²² Пояс Ориона – три звезды в центре зимнего созвездия Орион.

...Понимание пришло быстро, всё-таки они все были опытными воинами, за плечами – не одно сражение, и суть идеи все усвоили моментально. Оставалось только закрепить всё это в строю, но тут уж всё зависело исключительно от них. Но настроение у всего десятка резко поднялось: всегда приятно, когда у тебя есть секретное оружие.

– Только отрабатывать этот приём мы будем долго, – сразу предупредил сотник. – Пока не станем всё делать слаженно.

Но он мог бы этого и не говорить, десяток уже был готов часами заниматься боевым слаживанием. Впереди были трудные времена и битвы, и стоило быть готовым к ним.

Когда остановились пообедать, Вольга окликнул Белояра:

– Сотник, можно тебя на два слова?

– Конечно, – Белояр привязал лошадь к кусту, насыпал овса в миску и поставил перед ней. Повернулся к своему помощнику. – Слушаю тебя...

Вольга помялся...

– Послушай, сотник, я не по злобё, токмо из жгучего интереса... Подскажи, откуда ты сей приём мечевого боя выискал? Показал кто когда али как? Мне можешь признаться, сам знаешь: дальше меня твоё слово без согласия твоего не ходит. Дюже необычно ты с мечом ухватился сегодня, люди говорят, что отродясь такого не видели, но уж больно ловко у тебя получается. Когда надумал такое чудо?

Белояр поморщился. С одной стороны, не хотелось говорить своему первому помощнику правду, настолько невероятно она выглядела. А с другой, если и искать разъяснения у кого, так кто ещё на роль советчика больше Вольги подходит? А о чём посоветоваться-то было...

И он решился.

– Хошь верь, Вольга, хошь – не верь, но сия наука мне во сне привиделась. Словно бы два больших войска бились, так вот одно – точно таким же образом. И так всё явственно встало перед глазами, что я даже запомнил в подробностях...

Вольга, против ожидания, ни слова против не сказал, а глубоко задумался. Молчал он довольно долго, теребя свою рано поседевшую бороду, потом сказал веско:

– Знак это, так я вижу... Уж не знаю пока, от кого, но это явно говорит, что подмога у нас есть. Кто-то хочет, чтобы поход наш победно закончился, чтобы мы узнали, что за лихо в наших землях поселилось. И не человек сие, а нечто свыше. Ты, сотник, примечай все необычности, которые во сне приглядишь или на стороне заметишь. Думается мне, что это только начало. Не зря ведь о Монаре вспомнили, примечали следы странные, события чудные вокруг творятся. Вон вишь и Падун знаконца «случайно» встретил...

– Ты думаешь, и это неспроста? – вскинулся Белояр. Вольга пожал плечами.

– Да кто ж его знает? Сам видишь: вокруг странное деется, не зря же Милован самолично собрался нас сопровождать. Не часто волхвы свои чертоги покидают, чтобы с простыми смертными походами ходить. На моей памяти второй раз такое.

Белояр согласно кивнул.

– И хочу, чтобы понял ты, сотник: у нас только один путь: вперёд. Дойти до конца и раскрыть тайну племени хазарского. Сложим ли головы или вернёмся с победой – сие тайна великая есть, но тут хоть что-то от нас зависит. И сегодня ты сделал ещё один шаг к тому, чтобы достичь поставленной перед нами цели. Запоминай свои сны, может, в них ключ от победы хранится.

Вольга кивнул и отошёл к костру, от которого уже шёл аппетитный запах каши... Белояр по привычке оглядел бивуак, провёл ладонью по волосам, приглаживая, оправил одежду и вдруг нащупал под складками дорожного кафтана привычный амулет. Сунул руку за пазуху и сжал его в ладони: родовая реликвия показалась непривычно тяжёлой... Некоторое время сотник стоял, прислушиваясь к своим ощущениям, но отметил только, что мысли пришли

в порядок, в голове появилась ясность и словно бы обострился слух: казалось, что Белояр может различить даже то, как, раздвигая земляные пласты, лезут наверх к последним островкам снега робкие подснежники... Как где-то далеко через чащобу проламывается сохатый, а в ослепительной голубизне неба ветер свистит в оперении парящего над отдыхающим воинством гордого орла.

Белояр вздохнул и улыбнулся солнечным лучам! Расправил плечи и направился к своему костру. Обеденное время подходило к концу, и он не собирался задерживать выход своего небольшого отряда.

И снова отправились воины в долгий путь. После случая со стрелком-смолянином приказал Белояр Волчку и Живко быть особо внимательными, лучники у хазарского племени отменные, с острым глазом и рукой твёрдой. И жалости они не знают. После такого наказа дозорные каждую кочку проверяли, за каждым кустом поначалу им засады виделись. Но потом понемногу остыли, приспособились.

Днём было уже тепло, и кое-кто посетовал, что пора бы уже и земле просыхать. Снегато, дескать, уже почти и не видно! Ерёма ехал чуть поодаль и, услышав сетования ратников, только усмехнулся:

– Эх, одно слово – служивый люд... Всё-то вам поперёк природы нужно. И словно не ведомо, что по зиме морозы, а летом жара. И всему свой черёд. Небесные Всадники никогда череду меж собой не меняют. Разве что запаздывают иногда или чуть раньше приезжают...

– Что ещё за Всадники такие? – заинтересовался Тихомир, а Белояр усмехнулся в бороду: молод парень, скучно ему молча ехать... Ну, да пусть потешит его мужичок.

А Ерёма и в правду загорелся:

– А что, Тихомир, не слыхивал ты про Всадников ентих?

Кузнец только головой помотал. И с надеждой спросил:

– Расскажешь?

– А то, – гордо расправил грудь крестьянин, поправил шапку, запахнул кафтан. – Слушай, дружинник...

Жили-были старик со старухой. Как-то перебирали они горох, так одна горошина и упала наземь. Искали, искали, не могли найти. А через неделю увидели старик да старуха, что горошинка дала росток. Стали её поливать, вырос побег выше избы, а потом и под самое небо.

И полез старик на небо собирать горох. Лез, лез, видит – стоит гора преогромная, на ней деревни с избами, города с зубчатыми стенами, леса и водопады. Солнышко только взошло – появился из-за горы юноша на коне и с тугим луком в руках. Куда ни пошлёт стрелу – там деревья зеленеют, люди земельку пахнут.

Ближе к полудню выехал удалый молодец с соколом на руке. Снял колпачок с птичьей головы, подбросил сокола вверх: куда ни полетит птица, везде плоды на ветвях наливаются, нивы колосятся, стада на лужайках пасутся.

Повечеру показался всадник, трубящий в рог. В какую сторону ни протрубит, там груши-яблочки собирают, озимые пахнут, свадьбы играют.

А совсем уже в сумраке явился старец седобородый на белом коне. Куда ни укажет трезубцем серебряным – везде ветра завывают, последние листья с деревьев сдирают, снегами леса и поля устилают.

Холодно стало старику, спустился он по стеблю гороховому на землю. А старуха уже его и ждать перестала: целый год он на небесах пропадал. Рассказал старик соседям о чудесах поднебесных. Кинулись те к ростку – каждый на небо попасть норовит, толкают друг друга. А стебель-то гороховый возьми и оборвись!

С тех пор уж никто на небе не бывал, где сутки проходят – как год на земле. И никто больше не встречал небесных всадников – Весну, Лето, Осень и Зиму.

– Эх, – мечтательно проговорил Тихомир, – попасть бы на небо да на тех Всадников в живую полюбоваться! Красота, наверное...

– А ты и любишься на них, Тихомир, когда времена года меняют друг друга... – засмеялся Белояр. Кузнец помотал головой.

– Это-то я понимаю, но ведь хочется, как старик: сразу за день всё узреть...

Теперь уже засмеялся своим дребезжащим смехом Ерёма.

– Так о том и сказ, что всему своё время. Вон вишь: полезли все сразу, так и обломали ствол-то...

Белояр тоже хотел вставить свою толику в разговор, но заметил летящих к отряду во весь опор Волчка и Живко, те ещё издалека стали подавать какие-то знаки.

– К оружию! – крикнул сотник и споро спешился, одновременно перекидывая щит из-за спины на левую руку, а правой доставая из ножен длинный меч.

Но Волчок, спрыгнув на ходу, замер перед ним и доложил:

– Впереди – Голый Камень, а возле него войско, понимаю я так, что это высланные нам навстречу десятки! Подмога пришла, Белояр! И я видел – ну, мне так кажется – Милована со своими слугами!

– Вот и славно, – вздохнул с облегчением Вольга. Он повернулся к Белояру. – Вот теперь-то наш поход только начинается...

Белояр кивнул и тронул коня. Он о многом хотел расспросить старого волхва. Но не был уверен, что получит ответы на все свои вопросы.

Глава 5. Тайны волхвов

*У славянского жреца только три
основных дела: воду в ступе толочь,
вилами по воде писать и баклуши бить.
Славянская пословица*

Четыре десятка, что пришли в помощь Белоюру, расположились лагерем в небольшом урочище, у подножья Голого Камня, как называли местные смоляне скалу на берегу реки Вопь²³. Ещё издали разведчики сотника различили запах похлёбки, ржание лошадей и громкие голоса наёмников-северян, по привычке не считающих необходимым говорить тише в присутствии посторонних.

Белюар заметил, что Вольга слегка поморщился: старый вояка не любил пришлых в своём отряде, но что ж поделаешь, если *варяги*²⁴ действительно были опытными бойцами, и преданными, к тому же. Не зря князья киевские издавна призывали их ко двору. Так распорядился воевода, а с этим не поспоришь.

Едва десяток показался из леса, как навстречу выехали трое воинов, Белоюар попридержал лошадь, сделал знак остальным подтянуться. Стражники остановились супротив него, слегка поклонились:

– Здрав будь, Белоюар, спокойна ли дороженька сюда была?

Поклонился и сотник, снял шлем, провёл ладонью по мокрым от пота волосам – солнышко уже пригревало – и отвечивал:

– И вам по здраву, ратнички... Дорога непроста была, признаться, хотелось бы отдохнуть малость, прежде чем дальше двинемся.

– Тебя, сотник, ждёт на обед сам волхв Милован, он и приказал навстречу ехать.

– Вот и славно, – улыбнулся с искренним облегчением Белоюар. – Ведите к нему, да покажите, где можно поставить палатки моим дружинникам...

К волхву на поклон сотник собрался только через час²⁵, когда принял баньку, привёл в порядок одежду и немного подкрепился из общего котла десятка. А заодно и прикинул, как и о чём говорить с Милованом.

Зелёный шатёр волхва стоял чуть в стороне, у широкого подножья Камня. Подле даже не было охраны, ветер слегка колыхал откинутый полог. Чуть пригнувшись, сотник вошёл.

Внутри царил полумрак, свет проникал сквозь неплотную ткань и освещал скромное убранство помещения. Небольшой дорожный сундук, самотканый ковёр на земле, маленький стол с кувшином на нём, пара невысоких скамеек с подушками, набитыми ароматными травами прошлогоднего сбора.

Сам Милован восседал прямо на полу чуть в стороне от столика, глаза его были полуоткрыты, усы чуть шевелились, волхв возносил хвалу Светлым богам. Заслышав, что в шатре

²³ **Вопь (Опь)** – река в Смоленской области, правый приток Днепра. Название происходит от литовского *ane* – вода, река. Считается, что Вопью называлось раньше верхнее течение самого Днепра, как и в Белоруссии Днепр назывался Березиной.

²⁴ **Варяги** – общее название славянских племён *вендов*, обитавших в Северной Европе по берегам Балтийского (тогда – *Варяжского*) моря. Слыли отличными мореходами, ходили даже до Аравийского полуострова, клады вендов находили раньше на 100 лет, чем схроны *викингов*, которых считают их потомками. Из варягов-вендов в последствии вышли славянские князья, основатели династии Рюриковичей. Ими были построены Новгород, Ладога, Белоозеро и другие древние города на Севере.

²⁵ **Час** у славян был равен 1,5 современным часам, в сутках – 16 часов. Час делился на 144 части, часть – на 1296 долей, доля – на 72 мгновения, мгновение – на 760 мигов, миг составляли 160 сивов (от сюда и слово «сигануть», т.е. перемещаться быстро).

появился посторонний, приоткрыл светлые, словно водянистые глаза и пронзительно глянул на вошедшего. Но признав сотника, чуть улыбнулся:

– Здравствуй, добрый человек. Я рад, что твой отряд, Белояр, добрался сюда без потерь, хотя, как до меня доходят слухи, потрепали тебя по пути твари неведомые, и есть тебе, что рассказать. Как ты понимаешь, я пошёл за десятками не потому, что дела для меня не нашлось при воеводе. Поверь, там тоже сей момент такие дела заворачиваются – врагу не пожелаешь. Хазары готовят какую-то пакость, и по всему выходит, что вовремя князь дружину в поход послал. Ну, да Сварог воеводе в помощь... Расскажи-ка мне, Белояр, что с твоим отрядом произошло такого, что ты решил поход продолжить далеко за пределы той деревни, в которую тебя послали?

И Белояр, мгновение подумав, рассказал всё без утайки, но и без прикрас, не забывая самые «мелкие мелочи», как любил говаривать когда-то воевода Ярополк. Упомянул он и о Елизаре, прибившемся к отряду, о странных следах подле деревни рассказал особо, добавив, что посылал по ним лучших следопытов, да вернулись те ни с чем.

Поведал волхву сотник и о своих ночных видениях и страхах, поделился странным опытом, благодаря которому удалось научить дружинников какому-то необычному приёму мечевого боя...

На этом месте Милован слушал внимательно, а на последнем рассказе вскочил и шагнул к Белояру, одёрнул у него на груди рубаху и коснулся медальона... И одёрнул руку, словно ожёлся, чем несказанно удивил сотника, который вовсе не чувствовал на груди жара амулета.

Волхв сложил руки на груди и долго сверлил Белояра пристальным взглядом, всё порываясь нечто сказать и не находя слов. Наконец, он выдавил:

– Откуда у тебя ЭТО?

И он ткнул пальцев в грудь воина. Белояр смутился:

– Это самое ценное что у меня есть, Милован... Амулет Рода нашего, мне от отца достался, как старшему в семье. А ему от его отца и так с незапамятных времён ведётся. Говорят, от всякой нечисти схоронит, если в него верить.

– И веришь? – Милован наклонил голову к левому плечу и стал сразу похож на любопытную птицу-галку... Сотник чуть не расхохотался: настолько было поразительное сходство. А вслух ответил твёрдо:

– Верую, волхв. Ещё как верую. И тому есть основания.

Старик покачал седой головой, его волосы, стянутые кожаным ремешком, как обручем, колыхнулись, засияли серебром седины в свете масляной лампы.

– Дай мне его посмотреть, – он требовательно протянул руку, а Белояр, сняв с шеи ремешок, несмело положил амулет на подставленную ладонь.

Волхв поднёс вещь к глазам, долго всматривался в переплетение узора на обратной стороне амулета, шевеля при этом губами, словно бы читал какую-то надпись или молился богам. Потом вернул амулет сотнику, сцепил руки за спиной, словно боялся, что они сами собой потянутся к удивительному оберегу. Тихо сказал:

– Уж и не чаял я, что появится в мире этот ключ... Думалось, все они утеряны, да так и в Ведах писано, дескать со времён Удгарда хранил Род три ключа от других миров при себе, да потом, когда разделил Удгард на Свет и Тьму, создал Чёрное и белое и поставил светлых и тёмных богов править миром, ключи те передал он богам: Сварогу, Перуну и Симарглу. Но с годами утерялись ключи, ибо, как говорят люди, «...любому своё только дело мило, а дело чужое всегда кажется скучным». Не видели боги нужды в этих ключах и забыли их истинное предназначение. А со временем и утратили. Но, как показывает Жизнь, по крайней мере один ключ всё-таки сохранился, точнее – был найден и сохранён людьми, и это – истинное Чудо!

Волхв вернулся на своё место, указал Белояру на скамью напротив себя, протянул кубок с мёдом.

– Глотни с дороги и задавай вопросы. Их, я смотрю, у тебя накопилось в достатке...

Белояр неспеша отпил добрый глоток, поставил кубок на столик, протёр губы лежащим тут же вышитым петушками рушником.

– Есть вопросы, как ни быть... Что за миры, от которых ключ у меня на шее висит?

Милован задумался на мгновение, казалось, он решает, говорить ли что-то заветное этому человеку или всё-таки воздержаться, но всё-таки решился.

– Любой из нас знает, что Род создал тёмных и светлых богов из частичек Удгарда – Хаоса, когда делил его на Свет и Тьму. Боги должны были поддерживать порядок и управлять мирами. Миров, как ты помнишь, три – Явь, Навь и Правь. Светлые Боги поселились в Прави, а Навь заняли Тёмные. Люди и стихийные боги стали жить в Яви – *явственном* мире. Символами созидания стали Сварог и его жена Лада, тёмных возглавили Боги-разрушители. Но не думай о них плохо: и у Света, и у Тьмы свои задачи есть. Например, тёмные боги уничтожают то, что отжило, что не имеет право на существование. Между Правью и Навью нет точек соприкосновения, поэтому противостояние богов постепенно затихло, и наступило равновесие. Но время от времени боги спускались в *явный* мир, и он стал полем войн и божественных сражений. Вот тогда и создал Род себе ещё одного помощника, могучего волшебника и переговорщика, способного всех примирить и находить решения, приемлемые для всего Мироздания. Велес стал Богом Трёх Миров, и Род наделил его способностью проникать во все миры без ключа. Теперь по всему выходит, что и люди обрели тот дар бога, сберегли, даже не понимая, что хранят...

Милован замолчал, потом расхохотался, тряхнул головой, словно сбрасывал морок:

– Даже уму не постижимо... Ведать не ведал, что когда-то его увижу и... где? На шее простого сотника княжеской дружины!

Белояр взглянул ему прямо в глаза:

– Так от какого же из трёх Миров висит у меня на шее Ключ?

Волхв замер, словно поражённый молнией... Потом тихо сказал:

– Не ведаю того... Время покажет. Думаю я, друже, что сие не токмо ключ...

Он поднялся, шагнул к выходу и одёрнул полог:

– Ступай, сотник Белояр. Отдохни, вечером собирай военный совет, познакомься поближе со новыми своими дружинниками. И я подойду, авось, и помогу в чём...

Всё оставшееся до вечера время Белояр провёл с десятком, досматривали оружие, решали, что ещё нужно подготовить для долгого похода, кто будет заниматься с воинами боевой подготовкой. Он вовсе не собирался прекращать упражнения, начатые накануне, более того, была задумка привлечь к этому и вновь прибывших дружинников. Правда, пока было неясно, как они сами к этому отнесутся.

В шатёр Милована он появился чуть раньше означенного срока, но там уже были все в полном составе:десятники Пахом, Горностаи и Жихарь из дружины да варяг Орест со своими вендами, вооружёнными, как уже успел заметить до этого Белояр, вельми справно: у каждого была добротная кольчуга, шлем с маской, закрывающей пол лица, крепкий сколоченный круглый щит с медным умбоном, длинный меч, а у некоторых и боевые топоры. Варяги представляли собой большую силу, были свирепы в бою и верны тем, кто их нанимал. С Орестом на Совет пришёл и его помощник, невысокий, но кряжистый Гонта, отличный следопыт и рубака. Все расселись на ковре, оставив волхву место на стуле с высокой спинкой, и тихо переговаривались промеж собой в ожидании начала. Разговоры стихли с приходом Белояра. Он кивком поздоровался со всеми и собирался было занять своё место подле Милована, но его окликнул Жихарь, весёлый и хитрый воин, которого сотник знал ещё по походам прошлого и позапрошлого лета:

– Здрав будь, Белояр, рад буду ходить под твоей рукой... Только вот скажи, отчего скрытым стал, не делишься сокровенными с братьями-дружинниками?

Белояр даже остановился и выжидательно посмотрел в смеющиеся глаза десятника.

– В чём же ты меня упрекаешь? – спросил с наивозможнейшим добродушием и спокойствием, хотя у самого кошки на душе заскребли. А Жихарь оглянулся на всех, словно ища поддержки, и выпалил:

– А вон твои вои промеж собой какие-то необычные игры с мечами ведут, нам неведомые... так может скоро в общем строю стоять придётся, а биться станем что, все вразной?

Остальные загалдели, правда, более одобрительно, как отметил про себя Белояр, а вслух сказал только:

– Если игрища такие по нраву пришлись – присылайте своих бойцов на поле с утра, мы покажем, как и что. Авось, и сгодится наука такая вам.

– Сгодится-сгодится, – засмеялся Орест. – Я тоже заметил, что твои дружинники вытворяют... Не иначе, как сам Сварог надоумил тебя такое напридумывать... Ловко и опасно. Хочу научиться так.

Следом и другие начали проявлять интерес. Как оказалось, занятия Белоярова десятка отметили все, только не хотели поперёд других в подмастерья напрашиваться. Белояр поднял руку, успокаивая вече:

– Успокойтесь, братья-дружинники, мои люди сами только эту премудрость осваивать принялись. А если и вы рядом встанете, так мы быстрее научимся этому искусству, к тому же гуртом легче будет разобраться, а то и своего добавить в общее дело.

В этот момент вошёл Милован, опустился на своё место, Белояр сел подле него. Волхв некоторое время молчал, потупив взор, остальные старались не дышать, чтобы не нарушить волнительную тишину собрания. Наконец, Милован поднял голову и заговорил:

– Не стану скрывать, братья, никто не ожидал, что поход сей станет столь важным не только для нашего княжества, но и для народа нашего, для всех: от берегов моря Варяжского до Большой Ладogi, от Ильмень-озера до Киев-града. На землю нашу пришла напасть неизвестная, нечто, с чем мы никогда не сталкивались.

Десятники зашептались, мелькнула пара снисходительных улыбок, но волхв на них даже и не отреагировал, а продолжил.

– Вы все не первый год отражаете удары супостата. Мы били хазар всегда, хотя иногда и сами биты бывали. Все со мной согласятся: ныне хазарин уже не тот, что при отцах наших и дедах. Поубавилось у него силушки, пощипали ему перья гадкие...

Вот теперь дружинники довольно закивали, мол, что есть, то есть... Не боится никто нынче на этих землях степных конников. Научились бить их, да и те не в силе больше.

– Но напасть пришла сегодня не от хазарина, да разразят его Перуновы молнии, вовсе нет... теперь ходит по деревням нашим бóльшая беда: стали люди пропадать бесследно, а то и вовсе сгорать заживо в каком-то пламени, не иначе как пришедшем к нам прямо из Тёмного мира. Десятки сёл стоят безлюдными, сотни стариков и девок, выйдя поутру по воду или на покос, обратно домой не возвращаются. Вот Белояр, вы все его хорошо знаете и верите ему, он уже столкнулся с неведомой силой и только чудом не сложил в той схватке голову. Можете спросить его десяток, тех, кто присутствовал при том бое. Дадено вам на всё времени до вечера, а там вновь соберёмся и решим, как нам дальше поступать, как лучше исполнить княжий наказ. Идите, думайте и не приходите на совет без мыслей, что и каким образом мы станем делать уже завтра.

Совет завершился далеко за полночь, когда уже почти все костры в лагере потухли, и даже головни на кострищах уже отливали тёмно-пурпурным цветом. Свой десяток дожидался командира в полном составе, настороженные взгляды выдавали настроение воинов.

Белояр опустился на кошму подле костра, принял из рук Одинца миску с уже основательно перезревшей на углях похлёбкой и, отхлебнув пару ложек, вдруг глянул на окружающих шальным глазом:

– Ну, что, вояки, принимайте завтра пополнение, десятники порешили всех дружинников вкупе с варягами обучить вашим тайным приёмам. Так что станете теперь учителями. У меня на это нету времени. Все занятия проводить с утра, до трапезы. Потом подгоняем доспехи, Тихомир правит оружие, в общем, готовимся к дальнему походу. Боюсь, други мои, что не видать вам дома до белых мух.

Он опустил ложку в пустую миску и оставил её возле костра. Не сказав никому ни слова, отправился к своей палатке. Белояр меньше всего хотел бы показать своим дружинникам, что впервые в жизни не уверен в том, что делает.

...Только когда Милован стал неторопливо рассказывать десятникам историю о неведомом зле, Белояр уяснил для себя всю глубину того, что происходит здесь, на землях, находящихся под хазарским игом. Ему казалось, что он столько видел уже в этом походе, что хватит на годы рассказывать деткам зимними вечерами у тёплой печи. Но оказалось, что он не ведает и толики малой из происходящего...

Опустевшие деревни передовые отряды дружин, совершавших походы в землю Хазарскую, отмечали уже давно, года два как. Но поначалу списывалось всё это на лихость басурманов и человеческие страхи, которые гнали людей с насиженных мест куда угодно, только бы прочь от ненавистного врага.

Но при тщательном осмотре поселений постепенно стало выясняться, что люди вовсе не спешили прочь с насиженных мест! То тут, то там обнаруживалась скотина, нетронутая утварь, не разграбленная случайным перехожим человеком, одежда и добротная обувь, которую уж точно бы никто просто так не оставил...

И тогда перед глазами волхвов – а именно они первыми смогли объединить в одно целое эти знания и сделать правильные выводы – раскрылась ужасающая картина: тысячи мирных людей просто пропадали без вести, не оставив о себе прощального упоминания!

В тайне от непосвящённых, чтобы не сеять паники отправляли князья отряды якобы на разведку, и то один, то другой отряд приносили всё новые подробности. Так, например, Белояр увидел следы сожжённых людей и сам подвергся нападению. А другим встречались «темники» и «бродники»...

Темников отыскал в прошлом году отряд, отправившийся по осени разведать, не готовят ли хазаре перед зимой какую пакость. Ворогов обнаружить не довелось, зато на пути дружинников оказалась странная деревенька. По первоначалу она не производила впечатления чего-то необычного: несколько домиков на пригорке, мелкая домовая живность бежит окрест, правда без особого пригляда: тощая да запущенная, видно с первого взгляда. И нигде на улицах не попадались дружинникам княжеским люди. Пока они не зашли в первую попавшуюся избу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.